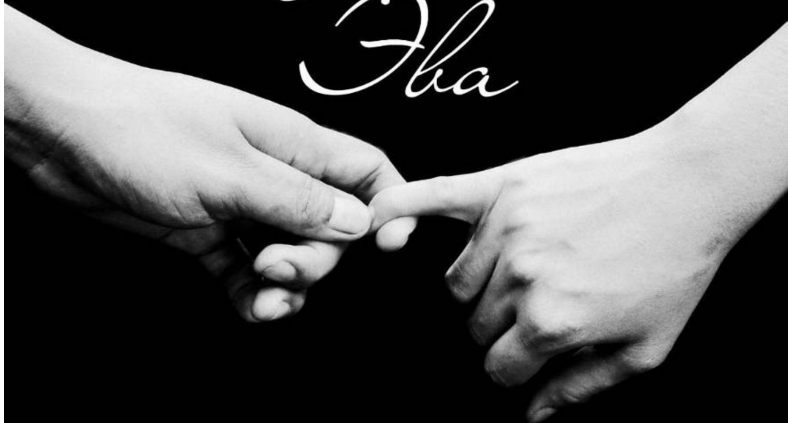

Мария Анро

*моя дорогая
Эва*

18+

Мария Анро

Моя Дорогая Эва

<https://litres.ru/73769271>

SelfPub; 2026

Аннотация

Побег из прошлого — это только иллюзия. Эва Эванс знает это лучше всех. Ценой невероятных усилий она вырвалась из-под тирании отца и начала новую жизнь, где есть только тишина и безопасность. Всё рушится в одно мгновение, когда на её пороге появляется Денис Мерцов. Его интерес к ней — не случайность. Он знает, чья она дочь, и у него свои счёты к её семье.

Теперь за Эвой снова открылась охота. Она вынуждена снова бежать и скрываться. Единственный союзник в этом кошмаре — её брат, холодный и далёкий, чьи мотивы непонятны. В водовороте предательств, выстрелов и потерь Эве предстоит сделать самый страшный выбор: опуститься до уровня своего отца или найти в себе силы остановить цикл насилия иначе.

«Моя Дорогая Эва» — это история о том, что сильнее: жажда мести или желание жить. История о том, можно ли спасти свою душу, когда всё вокруг толкает её к пропасти.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	9
Глава 2	21
Глава 3	32
Глава 4	46
Глава 5	60
Глава 6	85
Глава 7	115
Глава 8	139
Конец ознакомительного фрагмента.	162

Мария Анро

Моя Дорогая Эва

Пролог

Мне холодно. Не просто холодно — это всепоглощающий, пронизывающий до самых костей мороз, который, кажется, выжигает изнутри всё тепло, всю жизнь. Я бегу по снегу, и каждый мой шаг — это пытка. Сознание затуманено, будто кто-то натянул на мозг толстую, мокрую пелену. Мысли путаются, сбиваются в клубок, из которого торчит лишь один острый конец — паника. Абсолютная, животная паника. Я мокрая насквозь. Холодная вода просочилась сквозь тонкую ткань джинсов, облепила голые щиколотки, забила под ногти на босых ногах, которые уже не чувствуют ни усталости, ни боли — они просто деревянные, непослушные колоды, которые я с нечеловеческим усилием переставляю, проваливаясь в рыхлую, предательскую массу.

На мне нет обуви. Нет куртки. Только джинсы и тонкая кофта, которая теперь, промокшая, облепила тело ледяным саваном и не греет, а лишь отнимает последние крохи тепла. Воздух такой холодный, что каждый вдох обжигает лёгкие, и давит на глаза, заставляя их безостановочно слезиться. Слезы смешиваются с талой водой на лице, и мир передо мной

плывёт, размывается в серо-белую картинку ночного города. Тени от голых деревьев кажутся длинными, тощими руками, тянущимися из-под земли, чтобы схватить за лодыжки.

Я спотыкаюсь, и земля внезапно уходит из-под ног. Я падаю на колени, вгрызаясь в снег ладонями. Руки — все в мелких, рваных ранах. Я не помню, как их получила. Может, о лед, может, осколки стекла там, в том аду, из которого я вырвалась. Но сейчас, в объятиях холода, я их не чувствую. Только лёгкое, отдалённое жжение где-то на границе сознания и онемения. Боль — это роскошь для тех, чьё тело ещё способно чувствовать. Моё тело чувствует только холод.

«Встать. Нужно встать. Ещё чуть-чуть. Ещё немного. Я близко. Мне нужно добежать. Быстрее. Нужно добежать».

Этот обрывчатый, навязчивый ритм стучит в висках, заменяя собою сердцебиение. Я пытаюсь оттолкнуться, но ноги, эти предательские колоды, не слушаются. Они подкашиваются, и я снова оседаю в снег. Джинсы моментально пропитываются ледяной влагой. Холод проникает глубже, достигая самых костей таза. «Я не спасла его». Мысль не звучит, она просто есть — огромная, чёрная, бездонная дыра в центре всего. Я не смогла помочь ему. Он остался там. Он лежит там один, в темноте, и уже явно не почувствует ни этого пронзительного холода, ни тепла, если бы оно вдруг явилось.

Я сделала отчаянный рывок. Какая-то неведомая сила, последний резерв, выданный телом на отчаянный побег. Я

встаю. Каждое движение требует невероятного напряжения мышц пресса, спины, бёдер. Я еле перебираю ногами, стараюсь ускориться. Сил нет. Дыхание рвётся из горла клочьями пара. Я устала. Я замерзла. А он... А он уже ничего не чувствует. Это знание — самый страшный холод, проникающий глубже любого мороза.

И вдруг — движение впереди. Из-за угла старого кирпичного дома появляются две фигуры. Они идут навстречу, смеясь о чём-то своём, мирном, далёком. Двое. В тёмных, почти чёрных пуховиках. Они явно не ожидали увидеть здесь, в этом тихом переулке засыпающего спального района, такую картину: полубезумная девушка, босиком по снегу, в промокшей насквозь одежде.

Они останавливаются. Смех обрывается. Молодые люди смотрят широко раскрытыми глазами. Я не могу разглядеть их лиц — они в тени, а мои глаза застилают слёзы и пелена усталости. Но они меня видят отлично. И я замечаю, как выражение беззаботного любопытства на лице того, что ближе, сменяется сначала недоумением, потом шоком, а затем — внезапным, щемящим узнаванием.

— Эй! — его голос пробивается сквозь шум в моих ушах, звучит неестественно громко в давящей тишине переулка. — Эй, что с тобой?

Он делает несколько осторожных шагов ко мне. Я не узнаю ни его, ни голос. Мир сузился до тоннеля, в конце которого — безопасность, дом, а сейчас на пути стоят эти двое.

Они — препятствие. Или спасение? Мозг отказывается анализировать.

Второй парень остаётся чуть в стороне. Он не двигается, его поза выражает настороженность и даже брезгливость. Он озирается по сторонам, как бы проверяя, не засада ли это, не спектакль. Его друг продолжает говорить, приближаясь:

— Ты в порядке? Ты... Боже, ты вся мокрая. Где твоя обувь? Ты замёрзнешь насмерть!

Вопросы сыплются один за другим, но они не долетают до меня целиком. Они разбиваются о непрекращающийся звон в ушах — высокий, пронзительный. В глазах темнеет, плывут чёмные пятна. В лёгких — холод, будто я наглоталась осколков льда. Мне нужно идти. Нужно дойти и рассказать всё. Он ответит за всё. Он должен ответить. Я должна это сделать. Я должна...

— Эй, по-моему, она под чем-то, — говорит тот, что держится в стороне. Голос его тише, но отчётливо слышен в морозном воздухе. В нём нет сочувствия, только тревога и желание поскорее убраться отсюда, не ввязываться в проблемы. — Давай уже позвоним в «скорую» и всё.

«Под чем-то». Слова долетают до сознания сквозь толщу льда. Что он имеет в виду? Наркотики? Смешно. О, как смешно. Если бы у меня были силы, я бы рассмеялась. У меня в организме только адреналин, который уже на исходе, и боль. Невыносимая, вселенская боль.

Я с трудом поднимаю руку, будто она весит центнер, и

прикладываю ладонь ко лбу. Кожа горячая, а пальцы ледяные. Когда я отвожу руку, на подушечках пальцев, смешавшись с грязью и талым снегом, алеет яркая, алая полоска. Кровь. Значит, я всё-таки поранилась.

— Эва, — говорит первый парень, и его голос звучит уже совсем по-другому — мягко, настойчиво, без паники. Он осторожно берёт меня за плечи, стараясь не дать упасть. Его прикосновение почти горячее сквозь мокрую ткань. — Эва, послушай меня. Скажи, что случилось? Ты меня узнаёшь?

Откуда он знает моё имя неважно. Важно — донести. Пока я ещё на ногах. Пока не отключилась. Собрать все силы. Все мысли, все осколки сознания в один острый, режущий кулак.

Я поднимаю на парня взгляд. Глазам больно фокусироваться. Я открываю рот, и губы, потрескавшиеся от холода, с трудом слушаются. Воздух выходит с хрипом, и я произношу три слова. Три слова, которые являются кратким описанием всего ужаса, всей потери, всей несправедливости, что обрушилась на мир. Голос мой хриплый, срывающийся, тихий, но в тишине переулка он звучит громче выстрела:

— Они убили его.

И всё. Кончилось. Батарейка села. Свет в тоннеле гаснет. Ноги окончательно подкашиваются, и я падаю, но не на колючий снег, а в чьи-то руки, которые резко подхватывают меня.

Тьма. Густая, беспросветная, без снов и мыслей.

Глава 1

Эва

Я всегда была «недостаточна». Это слово, словно клеймо, впечаталось в моё самоощущение с подросткового возраста, а может, и раньше. Недостаточно красива — эту оценку я считывала не с прямоты чужих слов, а с быстрых, скользких взглядов, задерживающихся на моих подругах и лишь мельком касающихся меня. Недостаточно умна — этот вердикт выносили неумолимые цифры в зачётке и вечное «твёрдая четвёрка», редко перерастающая в пятёрку, да и то по предметам, которые никому, кроме преподавателя, не были интересны. Я была «средней». Не фоном, но и не главным героем картины. Не молчаливой тенью в углу, но и не той, чей смех слышен за три стола. Устраивало ли это меня? В каком-то извращённом смысле — да. В этой серой зоне было безопасно, предсказуемо. Загонялась ли я из-за этого? О, да. Каждая внутренняя встряска, каждый приступ рефлексии в три часа ночи был именно об этом. О том, что «сойдёт» — самое обидное слово. И абсолютно неважно, касается оно годовой оценки, нового платья или чёртового макияжа, который всё равно не скрывает бледность кожи и усталость под

глазами.

Учеба на третьем курсе университета давалась мне с трудом. Как же я хотела сюда поступить! Правда, если копнуть глубже, желание это питалось не столько страстью к будущей профессии, сколько отчаянным бегством от всего, что было до. Я не была сильна в точных науках: цифры в учебниках по математике расплывались в тревожный туман, законы физики казались злой шуткой мироздания, а одна мысль о химических формулах и таблице Менделеева вызывала тихую, но отчётливую панику. Гуманитарные науки? Ну, тут было чуть лучше. Сочинения я писала без мук творчества, но и без особого блеска, методично собирая аргументы, как бухгалтер сводит дебет с кредитом. Литературу же, со всей её страстной многословностью, я просто не любила — слишком много эмоций, слишком много претензий к глубине. И вот этот побег от всего, что требовало либо железной логики, либо пламенного сердца, привёл меня на фамиллярно звучащее направление «Реклама и связи с общественностью». Что-то среднее. Не наука, но и не чистое творчество. «Сойдёт», — подумала я тогда. И вот теперь, на третьем курсе, я пожинала плоды этого выбора: горы скучных теорий, препарирование чужих успешных кейсов и тоскливое ощущение, что я учусь быть профессиональной посредственностью, человеком, который должен нравиться всем и сразу, не имея при этом собственного чёткого лица.

— Эванс Эва, — раздался ровный, лишённый всяких

эмоций голос Анастасии Александровны, прозвучавший как приговор в тишине полупустой аудитории. — Сессия сдана на «удовлетворительно».

Я кивнула. Опять. Золотая середина моей академической жизни. Не провал, чтобы бить тревогу, и не успех, чтобы им гордиться. Проходной балл в следующую, неизвестно зачем нужную, жизнь.

Эванс Эва. Да, именно так. Не Эвелина, не Ангелина, не даже просто Ева. Полное, двусложное, слегка вычурное. Почему мои родители сочли нужным наградить меня именно таким именем? В их объяснениях сквозила претензия на уникальность, плохо понятая и потому неуклюже воплощённая. Фамилия отца, Эванс, в его устах звучала «элитно», с придыханием и отзвуками неких былых побед. От кого именно он её унаследовал, история была мутной. Вроде прапрапрабабушка, которая в смутные времена умудрилась перебраться в США, работать там горничной или, по другой версии, медсестрой, встретила прапрапрадеда, такого же растерянного эмигранта. Их возвращение в Россию обросло легендами о тоске по родине, но мне всегда казалось, что их просто выгнали с чужой земли за ненадобностью. Так или иначе, фамилия прижилась, а вот английский язык в семье благополучно выветрился уже к моменту моего рождения. Ирония судьбы: Эванс из московской пятиэтажки, не способная связать и трёх слов на языке своих теоретических предков. Отец, однако, любил говорить за семейнымужи-

ном: «Мы, Эвансы, должны соответствовать». Соответствовать чему — оставалось загадкой.

— Счастливых праздников, — уже более мягко заключила Анастасия Александровна, закрывая журнал.

В аудитории мгновенно поднялся гул, скрип стульев, шелест страниц и сумок. Все торопились вырваться на свободу, в предновогоднюю Москву, залитую уже вечерними огнями. Я, не спеша, почти бережно, уложила в потёртый рюкзак конспекты, ручку и пачку салфеток. Мои движения были медленными, будто я пыталась оттянуть момент, когда нужно будет встать и выйти в этот холодный, требовательный мир.

— Ну что, сегодня пешком? — раздался звонкий голос прямо у моего уха. Я вздрогнула. София уже стояла рядом, пританцовывая от нетерпения, её зелёные глаза сияли как два изумруда в обрамлении густых тёмных ресниц. — Ты посмотри, как красиво! Снег хлопьями валит, просто сказка!

Она кинула взгляд в окно, запотевшее от разницы температур, и я невольно сравнила её оживленный, яркий силуэт со своим отражением в тёмном стекле. На её фоне я и правда была серой мышкой: бледная, почти прозрачная кожа, волосы цвета выгоревшего льна, собранные в небрежный хвост, и глаза неопределённого серо-голубого оттенка, который менялся в зависимости от освещения, но никогда не становился по-настоящему ярким.

— Там же холодно, — жалобно выдохнула я, натягивая

старый, но верный пуховик, который уже лет пять как потерял былую пушистость. — Может, все-таки потратимся на такси? До остановки далеко, а на улице минус двадцать, наверное.

— Ага, а за продукты ты заплатишь? — Софа повернулась ко мне, и на её лице я увидела знакомую смесь практицизма и лёгкого укора. — Не забывай, скоро Новый год, придётся потратиться даже на скромный стол, так ещё и подработку на праздники срочно искать. У меня пока ничего.

У меня-то как раз была. Но я не сказала об этом сразу, позволив чувству вины — за своё относительное «благополучие», за то, что мне удалось устроиться хоть куда-то — слегка пощекотать нервы. Софа была не из Москвы. Её семья жила в маленьком посёлке под Нижним Новгородом, и ей, гордой и принципиальной, совесть не позволяла выпрашивать у родителей деньги, которые им и самим были нужны. «Они и так на мою учёбу последнее отдают», — часто говорила она. Мы снимали вместе квартиру в старом панельном доме на окраине — это было дешевле, чем общежитие, и давало иллюзию взрослой жизни. Квартира была, в принципе, неплохой, если закрывать глаза на детали. А деталей было много: в прихожей от стены отклеился длинный язык обоев с ржавыми разводами от когда-то протекшей трубы, окна в моей комнате нагло подвывали на ветру. В общем, типичный набор «излишков» дешёвого жилья, которые сначала раздражают, потом становятся частью быта, а потом начи-

нают казаться символами всей твоей неустроенной жизни.

— Ладно, пешком, так пешком, — сдалась я, наматывая шарф до самых глаз.

Дорога заняла около тридцати минут молчаливого пробирания через сугробы под колючим снегом, забивающимся под воротник. Мы шли, глядя под ноги, изредка перебрасываясь короткими отрывистыми фразами о мелочах. София пыталась строить планы на каникулы, я односложно отвечала. В голове крутились мысли о предстоящей подработке. Я нашла её через сайт объявлений. Некая женщина открывала в центре салон красоты «нового формата» и искала помощницу «на все руки». В обязанности входило буквально всё: от встречи грузовиков с оборудованием и мытья полов до помощи с декором, поиска мастеров через соцсети и приёма телефонных звонков. Работа на износ, с утра до позднего вечера, почти без выходных. Но платили, по меркам студенческих подработок, очень даже достойно. И я, скрепя сердце, уже согласилась. Деваться было некуда.

Наконец мы, обледеневшие и уставшие, ввалились в нашу квартирку. Запах старых полов, пыли и вчерашней яичницы встретил нас как родной. Я, с трудом шевеля заочневшими пальцами, сняла промокшие сапоги, повесила пуховик на вечно падающую вешалку и, надев растоптанные тапочки, поплелась на кухню. Прошла мимо стола, заваленного утренними чашками с кофейной гущей на дне и крошками печенья. Смотреть на этот бардак даже сил не было, и

я потянулась к подоконнику, где между горшками с зачахшими геранями лежала пачка сигарет и пластмассовая зажигалка. Прикурила, сделала первую, глубокую, обжигающую затяжку. Никотиновый удар по мозгам был почти физическим облегчением. Тяжёлая неделя, да и весь семестр позади. Можно выдохнуть. Хотя бы на день.

Прислонившись спиной к прохладной стене на кухне, я скользнула взглядом по знакомым обоям с блеклыми жёлтыми цветами. Без всякой злобы, почти машинально, я ковырнула ногтем край, который давно отклеился и топорщился пузырём. Обои поддались с сухим, шелестящим звуком, от стены оторвался длинный, пыльный лоскут, обнажив серую, шершавую бетонную поверхность.

— Ой, опять ты свой ремонт начала, — усмехнулась Софи, ставя на конфорку закопчённый чайник. Она тоже достала сигарету. — Пора бы уже новые поклеить... Может, в праздники займёмся? Купим обойного клея, рулетов...

— И кто же будет этим заниматься? — я выдохнула дым, следя за его причудливыми кольцами. — У меня подработка с утра до вечера. Ты тоже, наверное, скоро что-то найдёшь. Мы физически не успеем. Да и вообще, это же обязанность собственников, а не наша. Хотя им, ясное дело, плевать.

— Ну, не знаю... — Софи задумчиво прикурила. — Может, я у Леша спрошу? Поможет, наверное.

Леша — парень Софии, с которым они встречались уже около года. Симпатичный, работающий парень с автослесар-

ной станции. Он часто оставался у нас, иногда по несколько дней подряд. Ел нашу еду, пользовался душем. Помощник, в принципе, неплохой: то кран починит, то полку повесит. Но за квартиру, разумеется, не платил. «Я же не постоянно живу», — говорил он. И мы, по молчаливому согласию, не настаивали. Потому что помощь в нашем аварийном жилье иногда ценилась выше денег.

— Ладно, спроси, — кивнула я без особого энтузиазма, туша о блюде бычок. Усталость накатывала волной, тяжёлой и неподвижной.

Остаток вечера прошёл в привычном, отработанном до автоматизма ритуале. Душ, в котором вода пять минут греется, а потом две — обжигающе горячая. Старая книга, которую я перечитывала в третий раз, потому что на новую денег жалко. Бесцельный, гипнотический скроллинг ленты в соцсетях, где жизнь других людей казалась такой яркой, насыщенной и правильной. Вот и два часа ночи.

Я стояла у окна в своей пижаме — тёплых, но давно полинявших штанах и футболке с надписью, которую уже не разобрать. За окном, в свете фонаря, всё так же плотно и беззвучно падал снег. Он заваливал двор, машины, детскую горку, превращая знакомый, убогий пейзаж в нечто чистое, почти волшебное. Но волшебство оставалось за стеклом. В комнате гулял сквозняк — из тех самых продуваемых окон. Даже в пижаме и носках я чувствовала, как холодок ползёт по ногам. Всё, что я ощущала в этот момент, — это не просто

усталость, а какое-то глубинное, экзистенциальное изнеможение. Усталость от постоянного «сойдёт», от бега по кругу, от вечной нехватки — денег, тепла, уверенности, простого человеческого понимания.

Я подошла к шкафу, достала оттуда дополнительный плед, тяжёлый, вязаный. Он пах нафталином и стариной. Расстелила его поверх одеяла, укуталась с головой, создавая маленький, душный кокон, в котором можно было спрятаться от всего мира.

Сон не шёл. Мысли метались как пойманные в банку мухи. И в этот момент в тишине, нарушаемой лишь тиканьем часов на кухне, раздался резкий, вибрирующий звук. Уведомление на телефоне. В полутьме экран вспыхнул ослепительным белым пятном. Я прошептала проклятие, потянулась к тумбочке, нащупала холодный корпус своего старенького айфона, экран которого был исцарапан, а аккумулятор держал заряд от силы полдня.

Сообщение было от Игоря. Старшего брата. Его имя на экране выглядело как сигнал тревоги. Я открыла мессенджер.

«Родители ждут тебя на Новый год. Если ты не приедешь, они сами заявятся к тебе. Адрес, как ты понимаешь, они знают. Не спеши злиться, это не я им сказал. Думаю, тебе придется с ними поговорить» .

Текст плыл перед глазами. Я перечитала его три раза, пока каждая фраза не впилась в сознание острыми крючками.

Сердце забилося часто и глухо, будто пытаюсь вырваться из ледяной ловушки, в которую внезапно превратилась грудь. «Вот и спокойной ночи, Эва», — мысленно прошипела я самой себе, с такой горькой иронией, что на глаза навернулись слёзы. Я швырнула телефон на тумбочку, и он со звонким стуком ударился о стену. Перевернулась на другой бок, уткнувшись лицом в подушку, и попыталась дышать ровно, глубоко, как учат в статьях про борьбу с паническими атаками.

Мы с родителями не общались два года. Не было громкой ссоры, душераздирающей драмы с хлопаньем дверью. Просто наши редкие разговоры постепенно сходили на нет, высухали как лужица на асфальте после дождя. Мама звонила первое время, пыталась расспросить о делах, о жизни. Я отделялась общими фразами: «Всё нормально», «Учусь», «Денег хватает». Когда она поняла, что большего не добьётся, в её голосе появилась знакомая, удушающая смесь обиды и упрёка: «Я тебя воспитывала, переживала за тебя, а тебе, выходит, никто не нужен. Даже с матерью поговорить не можешь нормально». После этого звонка, который я оборвала, не в силах слушать, мы не говорили. Отец просто ждал, когда я сама сдамся. Я успокаивала себя, что за два года я окрепла, изменилась, стала самостоятельной. Но стоило лишь мысленно приблизиться к образу родительского дома, как внутри всё сжималось в холодный тугой комок.

Я изменилась, да. Научилась платить по счетам, терпеть

хамство начальников, молча сносить унижения на подработках. Научилась быть «удовлетворительной» для внешнего мира. Но изменилось ли что-то внутри, там, где живёт та девочка, которую они воспитали? Та девочка, которая боялась громкого голоса отца и плакала в подушку от бессилия?

Я закусила губу, стараясь загнать обратно подкативший к горлу ком. Но напряжение было слишком сильным. Я почувствовала знакомый, металлический привкус крови на языке — прокусила кожу. И в тот же миг, как по какому-то извращённому закону подобия, память выбросила из своих запасников яркий болезненный кадр. Не из двухлетней давности. Из глубокого детства.

Мне лет десять. Я в своей комнате, стою, прижавшись спиной к стене, уставившись в узор на ковре. Во рту — тот же вкус крови от прикушенной губы. Щека пылает огнём, по ней растекается волнами жгучий, унижительный жар. В ушах — звон. Я только что получила пощёчину. Вторая, ещё более сильная, заставляет мою голову резко дёрнуться вправо. Волосы прилипают к мокрому от слёз лицу. Я пытаюсь говорить, объяснить, оправдываться, но от страха язык становится ватным и непослушным, слова спотыкаются друг о друга, превращаясь в невнятное, жалкое бормотание:

— Я... не... Я не делала это... Это не я. Я не виновата. Прошу... Хватит...

Последние слова я пытаюсь выкрикнуть, вложить в них

всю свою детскую отчаянную смелость, но голос срывается на визг. Ответом служит не слово, не крик. Только резкое движение взрослой руки в следующей пощёчине. Молчание — самое страшное. Потому что в нём нет места диалогу, прощению, пониманию. В нём есть только факт твоей вины и факт наказания.

Я вдавилась лицом в подушку, пытаюсь заглушить воспоминания, стереть эти образы. Они приходили нечасто, но всегда не вовремя. Всегда напоминали, что некоторые стены, даже если их давно физически покинуть, продолжают существовать внутри. И Новый год, семейный праздник, был для моих родителей не временем чудес, а временем отчёта. Временем, когда все должны быть на своих местах, играть свои роли. А я вышла из роли. И теперь они, судя по всему, решили вернуть меня обратно. Силой, если потребуется.

«Заявятся сами». Эти слова были хуже любой угрозы. Это было вторжение. В мой хрупкий, выстраданный мирок с отклеенными обоями и продуваемыми окнами. В моё «сойдёт», которое было хоть и убогим, но моим.

Я открыла глаза и уставилась в потолок, где трещина расходилась лучиками от люстры. Снег всё шёл. Праздник приближался. А я лежала, закутанная в плед, и понимала, что у меня нет выбора. Бежать некуда. Игнорировать — значит подписать приговор своему и без того шаткому спокойствию. Нужно было ехать. И постараться выйти оттуда, не ободрав кожу до крови. Вновь.

Глава 2

Денис

Подъёмы в шесть утра давались с трудом, особенно если предыдущий день заканчивался далеко за полночь, когда город уже затихал, а собственные мысли, наконец отпущенные с поводка, начинали метаться в голове с особой, ночной назойливостью. Я пытался структурировать свою жизнь, расписывать её по пунктам, как бизнес-план: работа, деловые встречи, переговоры по сделкам, полуторачасовая тренировка в зале, встречи с друзьями для поддержания социальных связей. Красивая, логичная схема. Но реальность упорно вносила свои коррективы. Уже к третьему пункту — «сделки» — день начинал извиваться и выскользывать из рук, как жирная рыба, обрстая непредвиденными звонками, форс-мажорами, нервными паузами в переговорах и бумажной волокитой. К вечеру от запланированного списка оставалось чувство лёгкой неудовлетворённости и усталость, глубокая, костная, выжимающая из тебя все соки, словно из перезрелого лимона.

Но мне было почти двадцать пять. В этом возрасте, кажется, положено хотеть всего и сразу: карьеру, денег, призна-

ния, яркой социальной жизни, идеальной физической формы. Страх не успеть, пропустить что-то важное, гнал вперёд, как кнут. После окончания университета я жил в таком ритме почти без перерывов. Время неслось с пугающей скоростью, месяцы сливались в одно цветное, но смазанное пятно. И каждый раз, просыпаясь под резкий звук будильника с ощущением, будто меня переехал каток, я давал себе торжественное обещание: «Всё, с понедельника режим. Раньше спать. Никаких полуночных посиделок». Обещание, которое обычно растворялось к обеду того же дня под напором новых обязательств.

Сев на краю кровати с дорогим ортопедическим матрасом, я потянулся к тумбочке из тёмного дерева, нащупал холодный корпус телефона и выключил вибрирующую трель. Взглянул на экран. О, суббота. На календаре цифра была обведена зелёным — меньше рабочих встреч. Мгновенная, животная радость от этой мысли тут же натолкнулась на железобетонный довод рассудка. Разве суббота — причина валиться дальше? Увы, нет. Суббота была лишь немного короче в деловом смысле, но длиннее — в плане личных обязательств. Тренировка сегодня должна была быть особенно интенсивной, чтобы компенсировать пропуски недели. А вечером — сбор у Лехи, который уже дня три как пилил сообщениями в общем чате. Воскресенье же было священным, неприкосновенным днём полной свободы. Его я обычно посвящал долготу, блаженному ничегонеделанью с утра, а по-

сле — поездкам с пацанами куда-нибудь за город или длительным, ленивым посиделкам в баре, где можно было наконец расслабиться и от души поспать в кресле, если очень хотелось.

Сонный, я прошёлся босиком по тёплому паркету в спальне к рабочему столу у окна, откуда открывался вид на ещё тёмный, постепенно просыпающийся город. На столе царил знакомый творческий хаос: стопки документов, несколько папок с пометками «СРОЧНО» и «НА ПОДПИСЬ», планшет, три разных блокнота. Я сгрёб все бумаги в одну кучу и запихнул в кожаную папку-портфель. «Разберу позже», — мысленно пообещал себе, зная, что «позже» наступит в воскресенье вечером и будет сопровождаться лёгкой паникой. Потянувшись так, что хрустнули позвонки, я направился на кухню, чтобы влить в себя первую, самую важную дозу кофеина.

Кухня была моей законной гордостью. Я переехал в этот пентхаус полгода назад, скопив на первый взнос и оформив серьёзную, но посильную ипотеку. Квартиру я выбрал и оплатил сам, без родительской помощи — это было принципиально. Она не была дворцом, какими владеют настоящие олигархи, но после моей прежней, доставшейся от родителей трёшки в спальном районе, она казалась воплощением простора и воздуха. Высокие потолки, панорамные окна от пола до потолка, выходящие на запад, так что вечерние закаты были просто театральным зрелищем. Кухня, отделанная ма-

товой мраморной плиткой холодных серых оттенков и оснащённая всей необходимой умной техникой, была местом, где я бывал редко, но которое всегда радовало глаз своей стерильной, почти музейной завершённойостью.

Поставив на индукционную панель медный чайник дизайнерской марки, я скользнул взглядом по столешнице. И замер. Рядом с вазой для фруктов лежала ещё одна тонкая папка. Бизнес, в целом, шёл хорошо. Фирма, которую когда-то основал мой отец, стабильно росла, цифры в отчётах радовали глаз. Было ли тяжело? Ещё бы. Но я не зря потратил последние семь лет жизни: сначала — на престижный экономический факультет, где учился не для галочки, а вгрызался в каждую тему, а потом — на погружение в отцовское дело с головой. Да, стартовую площадку, капитал и имя мне предоставили родители. Они построили эту фирму фактически для меня, для продолжения семейного дела. Я никогда не отрицал этого и был благодарен. Но я и не дурак. Как только я фактически встал у руля, а отец остался в совете директоров, но отошёл от оперативного управления, я потратил уйму времени, сил и нервов не на то, чтобы поддерживать статус-кво, а на то, чтобы изучить каждый винтик механизма, найти точки роста, выстроить новую, более агрессивную и современную стратегию. Это было как перестраивать двигатель на летящем самолёте.

Родители, к их чести, мной гордились. Я был старшим сыном, «надеждой и опорой», как любила говорить тётя. А

вот с младшим, Андреем, была иная история. Ему двадцать два, парень он отнюдь не глупый, сообразительный, с отличным чувством юмора. Но жил он, как мне иногда казалось, в какой-то параллельной, более лёгкой реальности. Учился на последнем курсе на факультете «Реклама и связи с общественностью» в одном из хороших, но не топовых вузов. Учёбу совмещал с нерегулярным фрилансом — то лендинг кому-то сверстает, то текст напишет. Жил с нами до недавнего времени, а потом съехал в съёмную квартиру с кем-то из одноклассников, заявив о своей «независимости». Честно говоря, я, как и родители, с некоторым скепсисом смотрел на его выбор. Чем он планирует заниматься? Идти в нашу фирму? Кем? Менеджером по рекламе? Но у нас уже есть налаженный отдел маркетинга. Андрей же на вопросы о будущем отмахивался, говорил что-то невнятное про «креатив», «медиапространство» и «поиск себя». Меня это раздражало своей неконкретностью. В его возрасте я уже точно знал, куда иду.

Закончив с кофе, я прошёл в ванную — просторную, с большой душевой кабиной и двумя раковинами. Включил свет и на мгновение отшатнулся от своего отражения в огромном зеркале. «Ну и вид, братишка...» — мысленно констатировал я. — «Тебе явно не помешали бы не то что дополнительные два часа сна, а неделя в санатории». Под глазами залегли синюшные тени, кожа казалась слегка сероватой. Я взъерошил тёмно-каштановые, почти шоколадные

волосы, которые уже начинали непослушно виться от влажности, и умылся ледяной водой, задержав дыхание. Резкий холод заставил вздрогнуть и на секунду прочистил сознание.

И тут, глядя на капли воды, стекающие по щекам, я поймал себя на привычной, навязчивой мысли. Я снова и снова, как заезженная пластинка, пытался спланировать не только сегодняшний день, но и отдалённое будущее. Где буду через пять лет? А через десять? Дострою ли бизнес-империю? Создам семью? Будут ли у меня дети, которым тоже придётся что-то доказывать? Но сил на эти бесплодные, круговые размышления не находилось. Голова была пустой и тяжёлой одновременно. «Хватит. Действуй по плану», — отрезал я сам себе и вытер лицо грубым полотенцем.

Завтракать было некогда. Чашка крепкого эспрессо должна была заменить и еду, и бодрость. Быстро переоделся из домашних шорт и футболки в тщательно отглаженный тёмно-синий костюм, белую рубашку, подобрал галстук. Проверил документы в портфеле. И буквально вылетел из квартиры, прихватив на ходу спортивную сумку, которую всегда возил в машине — на случай внезапной возможности заскочить в зал.

Лифт бесшумно спустил меня на подземную парковку, где пахло резиной, бетоном и машинным маслом. Моя машина стояла на своём привычном месте. Немного старенькая, но ухоженная иномарка бизнес-класса серебристого цвета. Её мне подарили родители на окончание университета — «что-

бы до работы добираться в комфорте и не терять время». Я тогда сопротивлялся, хотел купить первую машину сам, но отец настоял: «Не упрямясь. Это инвестиция в твою эффективность. Будут свои большие деньги — купишь, что захочешь». Он был прав. В те первые годы все свободные средства я действительно вкладывал обратно в бизнес, в самообразование, в какие-то рискованные, но перспективные проекты. И эта машина стала для меня не столько символом роскоши, сколько рабочим инструментом и молчаливым напоминанием об ожиданиях, которые на меня возложены.

Я выехал из темноты паркинга на залитую холодным зимним солнцем улицу. Бросил взгляд на часы на приборной панели: 7:20. Успею. Первая встреча в девять, потом в одиннадцать — та самая важная сделка. К часу, максимум к двум, планировал быть свободным. Потом — зал на полтора часа. К четырём — дома, принять душ, переодеться и к пяти быть у Лёхи. Вроде бы всё шло хорошо.

Мысленно прокручивая предстоящие переговоры, я уже почти не обращал внимания на дорогу, действуя на автомате. В голове всплывали лица партнёров, клиентов, цифры, возможные возражения. Я репетировал ключевые фразы. Эта способность полностью погружаться в дело, отключаясь от всего остального, и была, наверное, моим главным козырем и проклятием одновременно.

Полдень. Солнце, бесполезно яркое, билось в грязное окно. И я стоял не в спортзале с зеркальными стенами, и запахом пота и железа, а на крохотной кухне в какой-то старой, пропахшей столетиями готовки и сырости квартире. Воздух был густым от запаха старых обоев, обойного клея и чего-то подгоревшего. Мы втроем — я, Леха и какой-то его знакомый по имени Стас — еле уместались между столом, заваленным тряпками и банками, и стеной, с которой свисали отклеенные полосы желтоватой бумаги с невнятным цветочным узором.

Как я здесь оказался? Всё было просто и предсказуемо. Леха позвонил, когда я уже выходил из офиса после успешного, кстати, подписания той самой сделки. В голосе у него была нотка аварийной, но заговорщической срочности. «Ден, братан, срочно нужна помощь. Адрес кину. Приезжай, не подведи». На мой уточняющий вопрос «Что случилось?» он ответил уклончиво: «Да тут делов на полчаса, максимум. Поможешь — потом махнём куда-нибудь перекусить перед твоей качалкой». Чувство неловкости и долга перед другом, Лёха в прошлом году реально выручил меня одной историей с поставками, заставило сесть в машину и поехать по скинутым координатам. Смутное беспокойство зародилось, когда навигатор привёл меня в незнакомый спальный район с ти-

повыми пятиэтажками «хрущевской» эпохи. Я здесь ни разу не был. Лифта, разумеется, не было. Пришлось подниматься пешком на пятый этаж по лестнице с обшарпанными ступенями и перилами, липкими от чего-то неопределённого.

Я подошёл к нужной двери, обитой дерматином времён моего детства, и нажал на круглую, запавшую кнопку звонка. Из-за двери донёсся негромкий звук. Дверь открыл Лёха. Он был в старых спортивных штанах с выцветшими надписями и растянутой футболке. За его плечом мелькнуло женское лицо — София, его девушка. Я видел её пару раз мельком, в кафе или когда она приходила к нему. Она стояла в светло-серых, облегающих джинсах и объёмной вязаной кофте цвета спелой вишни, которая делала её в этой унылой обстановке ярким пятном. А, ну теперь понятно. Это её квартира. Или та, что она снимает. Теперь география прояснилась.

— О, Дэн, заходи, заходи, — широко улыбнулся Лёха, отступая и пропуская меня внутрь. — Не стой на пороге, тут и так дует.

Я прошёл в крошечную прихожую и огляделся. Мой деловой костюм, дорогие туфли и аккуратная причёска здесь выглядели абсолютно нелепо, как костюм астронавта в деревенском огороде. Лёха, со своей вечной небрежностью, смотрелся куда более уместно.

— У тебя же нормально со временем? — без предисловий начал Лёха, потирая руки, испачканные какими-то белыми разводами. — Дело такое: нужно тут обои поклеить. Комна-

ту одну сегодня осилим, а там, глядишь, и вторую в другой раз доделаем. Хозяйка, — он кивнул в сторону Софии, которая смотрела на меня с виновато-надеждой, — очень просит помочь. А мы с ней, как оказалось, полные профаны в этом деле. Первую полосу уже испортили.

Я молчал секунду, переваривая информацию. Мозг, ещё работавший в режиме переговоров о многомиллионной сделке, с трудом переключался.

— То есть, я, — начал я медленно, стараясь, чтобы голос не дрогнул, — вместо того, чтобы поехать на долгожданную тренировку, которую уже три раза переносил, мчусь тебе на помощь по какому-то ЧП... А оказывается, что тебе нужны бесплатные рабочие руки для поклейки обоев? Серьёзно, Лёха? — Во мне начало закипать раздражение, горячее и густое. Я чувствовал себя обманутым. Они что, вдвоём не могут поклеить обои? Это же не ракету строить.

— Да ладно тебе, не кипятись, — отмахнулся Лёха как от назойливой мухи. — Компанией же веселее. Ещё Стас приехал. Парень с работы. А твои тренировки... Ну, подумаешь, один раз перенесёшь. Завтра сходишь. Или в понедельник. Мышцы никуда не денутся.

В этот момент из глубины квартиры вышел тот самый Стас — коренастый парень с короткой стрижкой и добродушным, немного простоватым лицом. Он кивнул мне: «Привет». На нём была рабочая одежда, вся в пятнах, он явно знал, куда едет.

— Тебе бы переодеться, что ли, а то жалко костюм, — деловито заметил Леха, оценивающе оглядев меня. — Испачкаешь клеем — не отстирается.

К счастью, в машине лежала моя спортивная сумка. Мысленно благодаря свою педантичность, я кивнул.

— Отлично! — прощепетала София, ловя момент. — Вы пока начинайте, а я схожу в ближайший магазин, принесу что-нибудь перекусить. И кофе сварю потом! — И, словно боясь, что её остановят или зададут неудобные вопросы, она быстро накинула куртку, схватила сумку и выскользнула за дверь, оставив нас троих в компании с рулонами обоев, ведром с мутным клеем и обшарпанными стенами.

Я вздохнул, поставил спортивную сумку на единственный более-менее чистый стул и начал расстёгивать пиджак, глядя на то, как Леха с энтузиазмом раскатывает на полу очередной рулон с каким-то безликим бежевым узором. Тренировка отменялась. Вечер с друзьями, вероятно, тоже. А я стоял посреди чужой, бедной и неустроенной жизни, в которую меня втянули, словно в воронку, и теперь предстояло провести несколько часов, занимаясь тем, о чём я не имел ни малейшего представления. Ощущение было странным: смесь досады, чувства долга и какого-то щемящего любопытства к этому другому, такому непохожему на мой, миру.

Глава 3

Эва

Когда я очнулась в больнице, первым вопросом был сухой, профессиональный, лишенный всякой эмпатии: «Ты что-то помнишь?». Его задала молодая, усталая женщина в белом халате, склонившаяся над моей койкой. Я помотала головой, еле сдерживая стон, который рвался из горла. Боль была не абстрактной, а очень конкретной, сконцентрированной в правой руке. Она была загипсована от запястья почти до локтя, туго забинтована, но сквозь гипс и вату пробивалась пронзительная, острая, живая боль, пульсирующая в каждом пальце, будто по ним били молотком. Я не чувствовала правую ногу от бедра — не онемевшую, а просто отсутствующую, как будто её отрезали, оставив лишь тяжёлый, непослушный куль. Увидеть её не удавалось — меня накрыли одеялом до подбородка, и я не решалась приподняться.

На следующий день после бессонной ночи, разодранной криками из других палат и металлическим скрежетом тележек в коридоре, ко мне подошёл другой врач, мужчина постарше. Он с тем же безразличным выражением лица по-

вторил: «Что ты помнишь?» Я тихо, почти шёпотом, ответила: «Авария». Это было всё, что я была готова дать им. Я помнила всё. Каждую жуткую деталь. Скрип тормозов, похожий на предсмертный вопль животного. Чувство невесомости, а потом — глухой, всепоглощающий удар, сотрясавший каждую кость. И уж тем более я помнила то, что привело к этой аварии. А точнее — благодаря кому у меня теперь травмы. Но им, людям в белых халатах, знать этого не нужно. Их задача — собрать тело, а не разбираться в причинах душевных сломов.

Меня пугают — мягко, но настойчиво — тем, что я, возможно, не смогу ходить самостоятельно, что нога так и не придёт в норму из-за сложного перелома бедра. Нервные окончания могли быть повреждены. Они пытаются вытянуть из меня хоть какую-то информацию о самом ДТП — скорость, направление. Это их работа, я понимаю. Но ничего не поменяется от того, что я скажу. Я уже пыталась. Я уже однажды рассказала правду, доверилась тому, кто, казалось, должен был защитить, и жестоко поплатилась за эту наивность. Именно поэтому я снова здесь, в этой больничной палате, с разбитым телом и ещё более разбитым доверием к миру. Молчание — моя единственная броня.

Я проснулась от звука бьющейся посуды — звонкого, рез-

кого, заставившего сердце упасть куда-то в пятки. Соскочив с кровати, я застыла на холодном полу, слушая, как в ушах гудит тишина после этого внезапного шума. Уши горели, а сердце билось так сильно и гулко, будто пыталось вырваться из груди. «Так, спокойно, — сказала я сама себе, делая глубокий вдох. — Просто Софа что-то уронила. Скорее всего, чашку». Она была не самой аккуратной, особенно с утра, пока не проснётся окончательно.

Увидев телефон на полу, я наклонилась, чтобы его поднять. Старый паркет под моим весом жалобно скрипнул, будто протестуя против столь раннего пробуждения. Нажала на кнопку включения. Экран остался чёрным, безжизненным. «Ну конечно, сел», — с внутренним раздражением констатировала я. Вчера вечером, после сообщения от Игоря, я просто швырнула его и не подумала поставить на зарядку. Ладно.

Подошла к шкафу-купе, дверца которого служила и зеркалом, если встать под правильным углом. Отражение было неутешительным. Опухшее от сна лицо, под глазами синюшные тени, будто я не спала, а провела ночь в драке. Белые волосы растрепались в разные стороны, образовав нечто среднее между гнездом и ореолом безумия. Старая пижама с выцветшими розовыми сердечками висела на мне мешком, подчёркивая худобу и общую невзрачность. «Надо бы переодеться. А лучше для начала умыться, привести себя в человеческий вид», — подумала я, уже ощущая сухость во рту и

лёгкую головную боль.

Поставив телефон на зарядку у изголовья кровати, я принялась искать тапочки, которые по всем законам логики и физики должны были быть прямо у кровати. Но, прошерстив взглядом всю комнату, — под кроватью, за тумбочкой, у двери — так и не обнаружила их знакомых очертаний. «Ну вот, блин, — мысленно выругалась я. — Как можно умудриться потерять тапочки в этой крохотной квартирке, где попросту невозможно что-то потерять? Они либо здесь, либо их нет вовсе».

Смирившись и пообещав себе устроить тотальный обыск позже, я босыми ногами подошла к двери и открыла её. И в тот же миг, выходя в узкий коридор, зацепилась носком за предательский выступающий косяк. Полёт был недолгим, но унижительным. Я, пытаясь сгруппироваться и смягчить падение, инстинктивно выставила руки и ударилась коленями о старый скрипучий паркет с такой силой, что по всему телу пробежала волна боли. «Чёртов косяк! Опять он!» — прошипела я сквозь зубы, чувствуя, как слёзы наворачиваются на глаза больше от досады, чем от боли.

Лежа на полу, я повернула голову вправо, к входу в ванную. Дверь была приоткрыта, и из-за неё доносилось журчание воды. Внутри, спиной ко мне, стоял темноволосый парень; он наклонился к раковине, умывая лицо, а его руки, виднеющиеся по локоть, были чем-то испачканы — белыми разводами, похожими на клей или шпатлевку. Так, это явно

не Лёша. У Лёши волосы светлее.

— Эй, Эва, ты чего? — раздался удивлённый голос как раз Лёши, но из кухни.

Я посмотрела вперёд и в проёме между коридором и кухней увидела его. Он стоял, держа в руке кружку, и со смесью недоумения и лёгкой насмешки в глазах смотрел на мою неуклюжую фигуру, распластавшуюся на полу.

Я попыталась подняться, оттолкнувшись ладонями от холодного пола, и боковым зрением заметила, что парень в ванной, услышав голос Лёши, обернулся. Я подняла голову и посмотрела на него. Четкие, правильные черты, тёмные брови, прямой нос. Я видела его где-то... Но где? Память, затуманенная сном и падением, отказывалась выдавать информацию. Я опустила глаза, пытаясь собраться с мыслями, и тут мой взгляд упал на его ноги. И на них... на них были мои тапочки! Мои домашние, стоптанные тапочки с вышитыми по бокам глупыми медведями! Он засунул свои огромные, явно не меньше сорок пятого размера, стопы в мои миниатюрные тапочки тридцать восьмого размера. Зрелище было одновременно нелепым и возмутительным.

Увидев, куда я смотрю, он сам взглянул на свои ноги, а затем на моё, наверное, выразительное лицо, и совершенно спокойно констатировал:

— Да, маловаты. Жмут.

Это заявление, сделанное таким будничным тоном, словно он обсуждал погоду, вывело меня из ступора. Я вскочила

с пола, отряхнула стёсанные колени, и выпалила:

— Ну конечно жмут! Потому что это мои тапочки! — голос мой звучал выше обычного, в нём звенела обида за поруганную собственность. И, не дожидаясь ответа, я почти влетела на кухню, оставив незнакомца в ванной.

Оказавшись на кухне, я увидела у холодильника Стаса. Он как раз доставал пачку масла. При виде него, настроение сразу улучшилось. Я не сдержала улыбку и бросилась к нему с объятиями.

— Стас! — выдохнула я.

— Привет, Мелкая! — он обнял меня в ответ, легко оторвав на секунду от пола.

Мы действительно давно не виделись, месяц или даже больше. Стас был моим единственным другом в этом городе, не считая Софы. Когда она начала встречаться с Лёшей, к нам часто заходил и Стас — его коллега и друг. И так вышло, что пока эта парочка, явно намереваясь нас свести, подкидывала нам совместные поручения вроде «сходите купите пива» или «помогите донести», мы действительно нашли общий язык и подружились. Конечно, дальше дружбы ничего не зашло — не было с его стороны того настойчивого интереса, а с моей — желания что-то менять. Но общение со Стасом было очень лёгким и приятным. Он не требовал быть кем-то другим, не оценивал. Так и зародилась наша странная дружба: я, он, и общая тропа в лице Лёши и Софи.

Светловолосый Стас с тёплыми карими глазами, выпу-

стив меня из объятий, отступил на шаг, осмотрел меня сверху вниз — нелепую пижаму и растрёпанные волосы — и, не сдержав добродушной усмешки, сказал:

— Тебе, наверное, стоит переодеться, а то простудишься ещё. — Он кивнул на мои босые ноги. Да, это касалось не только детского вида пижамы, но и общего состояния. Но мне не было обидно. Его улыбка была такой искренней, что вызывала у меня ответную. Я просто поежилась от прохлады, исходящей от пола.

Позади чиркнула зажигалка. Обернувшись, я увидела, как Лёша, с зажатой в зубах сигаретой, сел за стол и принялся что-то строчить в телефоне. Незнакомый парень из ванной стол в проходе, прислонившись плечом к косяку. Он с отстранённости интересом скользил взглядом по стенам, мебели, Лёше и нам со Стасом. Я пристально уставилась на него, всё ещё пытаюсь вспомнить.

Лёша, ойкнув, будто что-то вспомнил, отложил телефон и начал, размахивая рукой как дирижерской палочкой:

— А, точно, Эва. Это Дэн. Денис. Мой друг. Дэн, это Эва. Тут живёт.

— Эвелина, да? — спросил темноволосый парень — Денис. Голос у него был низкий, немного глуховатый.

— Нет, просто Эва, — поправила я его, стараясь говорить твёрдо. И, вспомнив о главном, добавила: — И, кстати, тапочки мои верни!

Я наблюдала, как он, не меняя выражения лица, просто

наклонился, поднял валявшиеся у порога ванной тапочки и бросил их мне под ноги. Не «бросил» в смысле «швырнул», а просто опустил, словно возвращал что-то незначительное. Забрав их, я почувствовала внутри странное смешение чувств: удовлетворение от возвращенной собственности и лёгкое разочарование от того, что он не извинился, не пошутил, не проявил никакой эмоции. Я направилась по коридору в ванную, чтобы наконец умыться и прийти в себя. Но, пройдя пару шагов, услышала позади слова Лёши, явно обращённые ко мне:

— Кстати, София сказала, что ты нас накормишь, раз уж мы вам обоим клеим, — произнёс он весёлым, но в то же время как бы само собой разумеющимся тоном.

София... Понятно. А, кстати, где она сама? Я остановилась и обернулась с немым вопросом на лице.

— Она ушла в магазин за продуктами, но перед уходом сказала, что ты нас накормишь ещё до её прихода, — ответил Леша на мой взгляд, широко улыбаясь. — Говорит, ты лучше готовишь. Что-то вроде того.

Я стояла, переваривая эту информацию. Так, стоп. То есть, я только проснулась, чуть не разбилась в собственной квартире, какой-то незнакомый тип напялил мои тапки, а я теперь ещё и поесть для троих парней должна приготовить? Ну Софа, ну молодец... Классический манёвр: свалить ответственность и сбежать по срочным делам.

— Ну что? — с наигранной, щенячьей надеждой продол-

жил Лёша, видимо, уже предвкушая вкусную еду. — Чем порадуешь? Умираю с голоду, с утра только кофе хлебнул.

Я посмотрела по очереди на трех парней, еле вмещавшихся в нашей крошечной кухне. Лёша — худощавый, подвижный. Стас — покрупче, с широкими плечами. И этот Денис — высокий, с фигурой, говорящей если не о регулярном спорте, то о хорошей генетике. Мне нужно накормить трёх крепких, явно голодных парней?! Придётся потратить на них весь запас яиц и, наверное, всего остального. Готовить я, может, и не мастер, но омлет сделать могу, макароны отварить, сварить какую-никакую кашу. Но я на это не подписывалась! Подруга снова, как это часто бывало, всё скинула на кого-то, а сама упорхнула по своим делам.

— Ладно, — вздохнула я, сдаваясь под давлением трёх пар мужских глаз. — Омлет будет через двадцать минут. Кофе кто будет — ставьте чайник.

Я стояла, прислонившись к косяку двери на кухню, и наблюдала, как парни уплетают приготовленный мною завтрак. Было уже около двух часов дня. Я проснулась поздно, меня разбудил звук разбившейся кофейной кружки, которую кто-то нечаянно столкнул со стола. А до моего пробуждения они, как выяснилось, успели поклеить часть обоев в комнате Софии.

Я уже переоделась в тёмно-синие, слегка потёртые на коленях джинсы и светло-зеленую вязаную кофту, которая была мягкой и уютной. По тому, как Лёша и Стас уплетали омлет с колбасой и сыром за обе щеки, сопровождая еду громкими словами одобрения, было件нятно, что их всё устраивает. А вот Денис, как его представили, не был полон энтузиазма. Он ел медленно, вдумчиво, как будто разбирал блюдо на молекулы, лишь изредка кивая в ответ на реплики Лёши. Я стояла и разглядывала брюнета, всё ещё пытаюсь понять, откуда это навязчивое чувство будто я его знаю. Тёмные, почти чёрные каштановые волосы, слегка вьющиеся у висков. Пронзительные, холодноватые голубые глаза — цвет почти как у меня, только оттенок другой, более глубокий и... отстранённый. На нём была лёгкая белая хлопковая майка, обтягивающая торс, и чёрные спортивные штаны. Рост — около метра девяноста, на вид. Он сидел, ссутулившись, но это не скрывало ширины плеч. «Если у него такой рост, — мелькнула у меня дурацкая, неуместная мысль, — то какого размера должны быть его ступни?» Которыми он умудрился залезть в мои миниатюрные тапочки... Кошмар. Я почувствовала, как снова накатывает лёгкое раздражение, смешанное с любопытством.

Скрип открывающейся входной двери отвлек меня от разглядывания. Я прошла в коридор и увидела Софию, вваливающуюся с огромными, пакетами, набитыми продуктами. На её щеках играл румянец. Увидев меня в позе, которая, на-

верное, кричала «Ну, и как это понимать?», она быстро, почти тараторя, сказала:

— О, Эва, проснулась наконец! Отлично. Возьми, пожалуйста, пакет, нужно скорее убрать продукты, а то мороженое растает. — И протянула мне один из пакетов, параллельно скидывая сапоги и вешая на вешалку куртку, с которой сыпался снег.

Я молча взяла у неё тяжеленный пакет и направилась на кухню, чувствуя, как оттуда доносится мужской смех и запах еды. Разбирая покупки, выкладывая на стол пачки масла, сыр, колбасу, упаковки с пельменями и действительно уже подтаявшее мороженое, я краем уха слушала, как София, войдя на кухню, завела разговор:

— Парни, молодцы! Комната уже почти готова, я заглянула. Спасибо огромное! Но, — она сделала драматическую паузу, — у нас ещё и кухня в планах. Когда сможете помочь? Не сегодня, конечно, вы и так устали. Может, на следующей неделе? И, кстати, раз уж вы нам так помогали, давайте к нам на Новый год! Лёша и так будет, ещё пара друзей подъедет. И вам, Стас, Денис, мы будем очень рады! — закончила она, сияя улыбкой, которая была способна растопить лёд.

А я в это время, запихивая пакет молока в переполненный холодильник, думала лишь о том, как и где мы все поместимся в нашей не самой большой квартире. Гости будут сидеть на полу? На кроватях? Да и не планировала я встречать Новый год в компании незнакомых людей, да ещё и в таком

тесноте. Мысль о том, что придётся изображать радушную хозяйку для друзей друзей моей подруги, не вызывала энтузиазма.

— Конечно я приду, мы и так с Мелкой давно не виделись, — тут же откликнулся Стас, подмигнув мне. Я невольно улыбнулась в ответ.

Прозвище «Мелкая» я получила от него из-за разницы в росте — Стас был выше меня на добрую голову. Он любил это подчеркивать, прикрываясь тем, что старше меня на три года.

— А ты, Денис? — спросил у парня Лёша, явно намекая и даже немного подталкивая локтем. — Не кидай, а то обидно будет. Да и компания отличная.

— Посмотрим, — нехотя, почти бурча, пробормотал Денис, доедая последний кусок омлета. — Планы могут быть. Не знаю ещё.

В его тоне не было грубости, но была чёткая граница, переступать которую не следовало. Видимо, не очень-то он хочет.

Я, закончив с пакетами и собрав крошки со стола, убрала тарелки, несмотря на то, что парни всё ещё сидели и обсуждали какие-то свои рабочие дела — что-то про поставки, про какого-то клиента. Их мир был мне совершенно незнаком. Подойдя к подоконнику, я взяла с него почти пустую пачку сигарет и пластиковую зажигалку. Распахнула форточку — в кухне стало накурено — и закурила, глядя в окно на засне-

женный двор. Вспомнив о сообщении от Игоря, на которое я, конечно же, не ответила, я снова задумалась. О чём нам говорить с родителями после двух лет молчания? Я надеюсь, они не думают, что я приеду на праздники как ни в чём не бывало, сяду за стол и буду улыбаться. Ну уж нет. Лучше я проведу их с этой шумной компанией незнакомцев, чем в том ледяном, полном невысказанных упреков доме. Не хочу портить себе настроение заранее, поэтому... Поэтому, может, и правда стоит съездить на день раньше, отбыть повинность и сбежать обратно к своим ободренным обоям и относительной свободе.

— Можно одну?

Я вздрогнула от негромкого голоса, раздавшегося слева. Повернула голову и увидела Дениса. Он стоял рядом, смотрел на пачку в моих руках. В его глазах не было просящего выражения, просто констатация факта: у меня нет своих сигарет, а курить хочется.

Я молча, без улыбки, протянула ему пачку и зажигалку. Он кивнул, достал одну, прикурил от моей же зажигалки, вернул всё обратно. Мы стояли рядом у окна, молча выпуская дым в холодный воздух, текущий из форточки. Никаких попыток завязать разговор он не предпринимал. И в этом была какая-то странная, почти комфортная нейтральность. Я докурила сигарету, потушила и ушла в свою комнату, чтобы не мешать — на кухне и так было не пройти, да и атмосфера после завтрака стала более расслабленной, шумной.

Зайдя к себе, я подошла к телефону на зарядке. Экран светился, показывая несколько уведомлений в мессенджерах — скорее всего, рассылки и спам. Ничего от Игоря или, не дай бог, родителей. Что, в общем-то, не удивительно. Я задумалась о подработке, которая начиналась с понедельника. Оставалось буквально пара дней и два выходных благодаря новогодним праздникам, а дальше — до начала учёбы нужно будет хорошенько «попахать». Мысли о предстоящем тяжёлом труде смешивались с тревогой о возможной встрече с семьёй, создавая в голове вязкий клубок.

Мои размышления прервал настойчивый, громкий звонок в дверь. Не короткий, а длинный, как будто кто-то держал палец на кнопке. Сердце на мгновение замерло. Лёша? Стас? Они же здесь. Софи тут. Слишком рано для чего-либо. Или... Или это они? Мысль молнией пронзила сознание. Не могут же они явиться прямо сейчас? Нет, не может быть. Я застыла посреди комнаты, прислушиваясь. Звонок повторился, ещё более настойчивый.

Глава 4

Денис

С кухни, допивая третий стакан чая, я увидел, как эта девчонка — Эва — снова вышла из своей комнаты. Вышла не как раньше, сонная и неуклюжая, а какая-то скованная, будто натянутая струна. Она прошлась взглядом по кухне, встретилась глазами с Софией, но та что-то весело говорила, и направилась к входной двери. Её лицо было бледным, а губы плотно сжаты. Лёха в этот момент разглагольствовал перед Стасом, размахивая руками, рассказывая какую-то нелепую историю про недавнюю пьянку. София, расставив по столу чашки, периодически вставляла реплики, то подтверждая, то с возмущением опровергая его рассказ. Всё было шумно, по-домашнему, и я, сидя в углу, чувствовал себя тут инородным телом. Эта квартира, эта компания, эта вся обстановка — всё было из другой, параллельной, более хаотичной и бедной жизни.

Подруга Софии — Эва — была её полной, разительной противоположностью. И дело не только во внешности, хотя и тут контраст бросался в глаза. София излучала энергию, даже когда просто наливала чай. Она одевалась ярко,

сочно, как будто боролась с окружающей серостью. Эта же, Эва (что за странное имя, в самом деле?), казалось, нарочно стремилась к этой серости, растворялась в ней. Одежда — невзрачные джинсы, простенькая кофта, никакого макияжа, волосы, собранные в небрежный хвост. Даже движения у неё были какими-то приглушёнными, будто она боялась занять лишнее пространство. Ей хоть восемнадцать есть? На вид — студентка, но какая-то... выжатая. Я видел, как она меня разглядывала за завтраком. Взгляд был не любопытствующий, не заигрывающий, а скорее аналитический, пытающийся что-то вспомнить или сопоставить. Смучило ли это меня? Ни капельки. Я привык к тому, что на меня смотрят. По-разному: с завистью, с интересом, с подобострастием. Её взгляд был из разряда безобидных. Просто фон.

Я уже внутренне отсчитывал минуты, когда Лёха закончит свой бесконечный рассказ и мы наконец поедem. Договорились, что подброшу его и Стаса, раз у Лёхи своей машины сейчас нет — сдал на техосмотр. Сидение в этой тесной, прокуренной кухне начинало действовать на нервы. Я встал и пошёл в сторону ванной — умоюсь прохладной водой, освежусь и скажу Лёхе прямо, что всё, ждать больше не намерен.

Подойдя к двери ванной, я получил неожиданный обзор на часть коридора. И замер. Эва стояла напротив входной двери. Напротив неё, втиснувшись в узкое пространство между дверью и косяком, стоял высокий светловолосый парень. Очень на неё похожий — та же бледность кожи, схо-

жий разрез глаз, но во взгляде было что-то жёсткое, колючее. Он был одет в дорогое, но как-то безвкусно сшитое пальто, его волосы были идеально уложены. От него веяло холодом улицы, и каким-то внутренним напряжением.

До меня долетели обрывки фраз, произнесенные негромко, но с такой интонацией, от которой по спине пробежал холодок.

— ...Ты снова хочешь оказаться в больнице? — говорил парень настойчивым, сдавленным шёпотом, в котором не было вопроса, а было утверждение. — Думаешь, я шучу? Никого не волнует, чего ты хочешь. Ты должна. Точка.

Взгляд Эвы был прикован к полу, к капелькам талого снега, которые падали с ботинок парня на облезлый линолеум. Она тихо, почти невнятно, ответила:

— Ты говоришь прямо как он... — её голос дрожал, срывался на шёпот, и в этом шёпоте была не детская обида, а что-то более глубокое и взрослое — отчаяние, смешанное с усталостью. Эва делала маленькие шаги назад, вглубь коридора, будто физически пытаюсь увеличить дистанцию между ними.

«Вот только истерики или сцены тут не хватает», — с раздражением подумал я, останавливаясь в дверном проеме ванной. Вся эта ситуация — моё вынужденное присутствие здесь, этот ремонт, теперь вот эта семейная (я уже понял, что это, скорее всего, брат) разборка на пороге — бесили меня. Я оказался втянут в чужую драму, в которой не желал участ-

воватъ.

В этот момент парень резко шагнул вперёд, схватил Эву за запястье и притянул ближе к себе. Движение было резким, властным, без тени сомнения в своём праве. Он наклонился и что-то прошипел ей в ухо — я не разобрал слов, но интонация была унижающей, полной презрения. Затем его взгляд, скользнув по её лицу, остановился на руке, которую он сжимал. Его пальцы впились в тонкое запястье так, что даже с моего расстояния было видно, как побелела кожа. И вдруг — он резко отпустил её, отдернул руку, словно обжёгся о раскалённый металл. На его лице мелькнуло что-то вроде растерянности или даже... страха? Но оно тут же сменилось привычной жесткостью.

И в этот самый момент его глаза, оторвавшись от Эвы, встретились с моими. Я стоял в полутьме коридора, наблюдая за этой сценой, и не сделал ни малейшей попытки скрыться.

— А это ещё кто? — прорычал парень, уже не шёпотом, глядя прямо на меня. Его голос стал громче, в нём зазвучали ноты агрессии, направленной уже на новый объект. — Что за швейцар тут у тебя стоит?

Эва резко обернулась, увидела меня, и в её глазах вспыхнула паника, смешанная со стыдом. Она затараторила, заслоняя собой парня, словно пытаюсь смягчить ситуацию:

— Игорь, это... это просто... У нас в гостях друзья Софии! Тут Лёша и Стас, Стаса ты помнишь, вот... — она мот-

нула головой в мою сторону, — а это Денис! Они помогали обоим клеить... Лёша позвал...

Парень — Игорь — не отводил от меня взгляда. Его глаза, холодные и оценивающие, скользнули по моей фигуре, по лицу, и в них на долю секунды мелькнула та самая искорка узнавания, которую я уже ловил сегодня на себе. «Где-то видел». Но тут же она погасла, будто её и не было, задавленная более насущными эмоциями — злостью и раздражением. Он что-то тихо, но очень резко и отрывисто сказал Эве, не сводя с меня глаз, развернулся и вышел, хлопнув дверью с такой силой, что задребезжала фурнитура. В принципе, он мог видеть меня где угодно — в деловых сводках, на фото в статьях про молодых предпринимателей, чёрт возьми, я пару месяцев назад был на одном из городских бизнес-форумов, и фото висело на баннере в центре. Но вряд ли он связал бы того ухоженного парня в костюме с тем, кто стоял сейчас в спортивных штанах в захолустной квартире, пахнувшей обойным клеем.

Эва ещё несколько секунд стояла у двери, не двигаясь, будто заворожённая, глядя на деревянную панель. Плечи её были напряжены, спина прямая. Потом она медленно развернулась. И посмотрела на меня. В её широко распахнутых, серо-голубых глазах стояли слёзы. Они не текли, а просто стояли, делая её совсем беззащитной. Но Эва не плакала. Она смотрела прямо, и в этом взгляде была не просьба о жалости, а что-то другое — стыд, может быть. И усталость. Бес-

конечная усталость.

«Ну, как я и думал. Начинается. Сейчас будет поток оправданий, слёз или что-то в этом роде», — промелькнуло у меня в голове с привычным цинизмом. Я приготовился к неловкости.

Но она ничего не сказала. Просто опустила взгляд, сделала глубокий, неровный вдох и пошла мимо меня в свою комнату. Когда она проходила на расстоянии вытянутой руки, я невольно обратил внимание на детали. Да, она в самом деле милостива. Неброска, но симпатична. Чистые линии лица, прямой нос, губы, которые сейчас были плотно сжаты. «Симпатичное личико, как у многих таких тихонь, — с долей высокомерия и облегчения заключил я про себя. — Вот почему она показалась знакомой. Она просто серая мышка, а они все чем-то похожи. Одним лекалом штампованы — робкие, неуверенные, вечно чего-то боящиеся».

— Мерцов, чё, поехали? — окликнул меня с кухни Лёха, направляясь ко мне. Он, видимо, ничего не слышал, увлечённый своим рассказом.

— Да, — коротко ответил я, выходя из оцепенения. — Наконец-то. Я тебя у подъезда ждать буду, спустись через пять минут.

Я вышел первым, не оглядываясь. Мне нужно было вдохнуть холодного воздуха и стряхнуть с себя липкое ощущение этой сцены. Чужое горе, чужие проблемы — всё это было для меня просто шумом, помехой, отвлекающей от действи-

тельно важных вещей.

Находиться в спортивном зале, пахнущем потом, кожей, дезинфекцией и старыми, натруженными перчатками, было моей главной отдушиной. Здесь, в этом полуподвальном помещении с потрескавшейся краской на стенах и зеркалами, заляпанными брызгами, царил простой, примитивный и честный мир. Здесь не было места двусмысленностям, тонким намекам, подковёрным играм. Здесь был только ты, снаряд или спарринг-партнёр, и чёткие, железные законы физики. Ритмичный, глухой стук кулаков по тяжелой груше, свист канатов, на которых висели мешки, приглушённые, хриплые крики тренера Василича, скрип обуви по резиновому покрытию — это была моя симфония. Симфония контроля.

Здесь не нужно было думать ни о чём, кроме техники дыхания, постановки ног, точности и скорости удара. Мысли, роем копошившиеся в голове весь день, сами собой стихали, вытесняемые чистой, животной концентрацией. Ты идёшь на пределе, выжимаешь из мышц последнее, и в этот момент все проблемы — несостоявшиеся сделки, давление отца, инфантилизм брата, даже вчерашний абсурд с обоями и этой девчонкой — тают, превращаются в далёкий, несущественный фон. Выходишь из зала насквозь промокший, с дрожащими от напряжения руками, с огнём в мышцах, но при этом

чувствуешь невероятный, почти эйфорический прилив сил. Не физических — тех как раз и нет, они на нуле. А сил ментальных. Будто выжег из себя калёным железом всю накопившуюся грязь, всю усталость, раздражение, сомнения. И внутри осталась только чистая, холодная, закалённая сталь. Ясность. Решимость.

Я никогда не стремился стать мастером спорта по боксу, завоёвывать титулы или медали. Мне не нужны были лавры на этом поприще. С детства, с того самого момента, как я начал понимать, в какой семье родился и какое бремя мне предстоит нести, я знал, что мне отведена другая роль. Куда более жёсткая, требовательная, опасная и... грязная. Бокс был не целью, а инструментом. Подготовкой. Тренировкой тела и духа к тому, чтобы держать удар — в самом прямом и переносном смысле. Но любить его я от этого не перестал. Напротив, эта суровая практичность только усиливала мое уважение к дисциплине. Почти каждый день после работы или между важными встречами я приезжал в этот непритязательный зал и выкладывался на полную. Иногда — просто разминка, отработка комбинаций на лапах у Василича. А иногда, как сегодня, когда внутри всё кипело, я надевал наушники, ставил агрессивный трек на повтор и бежал на дорожке до тех пор, пока в лёгких не начинало резать, а в висках не стучать кровью. Что-что, а физическую форму я всегда держал в идеальном состоянии. Это был базовый, не подлежащий обсуждению пункт моей личной программы.

Мне ещё в детстве, старым, белёсым шрамом на руке отца и его немногословными, отрывистыми историями, дали понять одну простую истину: в нашем мире выживает не самый умный или богатый, а сильнейший. Тот, кто может выстоять. И «держать удар» — это не красивая метафора из мотивационных книжек, а насущная необходимость, вопрос личной безопасности. Но это уже немного другая, более мрачная история, которую я предпочитал не вспоминать без нужды.

Я прошёл в почти пустующую раздевалку — было уже поздно, основная масса занимающихся разошлась. Скинул мокрые насквозь перчатки, отдышался, стоя под холодным душем, который бил жесткими струями по затёкшим плечам. Переоделся в чистую, простую одежду — тёмные джинсы, чёрную водолазку, мягкую куртку. Посмотрел на время на телефоне. 16:42. За окном зала уже давно стемнело, фонари отбрасывали на мокрый асфальт парковки длинные, дрожащие тени. План на вечер был прост и притягателен: домой, долгий, горячий душ, может быть, что-то поесть (хотя аппетита не было), и тишина. Полная, абсолютная тишина. Ни звонков, ни сообщений, ни необходимости что-то кому-то доказывать или решать. Сегодня воскресенье, остальное — завтра.

Сев в машину, я включил обогреватель и завёл двигатель. Тёплый воздух начал медленно наполнять салон, растворяя остатки спортивной ознобы. В этой почти осязаемой, благословенной тишине резко, как выстрел, прозвучало уведом-

ление на телефоне. Вибрация отозвалась где-то в районе солнечного сплетения, вызывая знакомое, неприятное сжатие. Я взглянул на экран, лежавший на пассажирском сиденье. Имя отправителя: «Андрей». Я нервно, беззвучно ухмыльнулся, уже предчувствуя содержание. Не удивляясь прочитанному, я открыл сообщение.

«Отец говорит, ты должен взять меня на практику в фирму. Или найти какую-то стажировку «по профилю». Придумай что-нибудь».

Ну да, конечно, братишка. Классика. Сбрось свою проблему на чужие плечи. Сделай вид, что тебе сложно, что ты не знаешь как, и жди, пока кто-то другой — старший, ответственный, взрослый — придумает, решит, организует. Лишь бы не ты. Лишь бы не пачкать руки, не нести ответственность, не сталкиваться с реальными трудностями. Сиди в своей съемной квартирке, пиши какие-то текстики, верстай сайты, живи в иллюзии, что «креатив» и «поиск себя» — это полноценная работа. А когда наступает момент истины и надо предъявить реальные навыки, реальную пользу — беги к старшему брату с криком «спасай!»

Я резко, почти яростно, набрал ответ. Пальцы стучали по стеклу экрана с такой силой, что он мог треснуть.

«Андрей, «придумай что-нибудь» — это не план. Когда придумаешь сам, чем конкретно ты сможешь быть полезен фирме своими «знаниями» в рекламе — приходи, обсудим. Тогда подумаю».

Я увидел почти мгновенный статус «Прочитано». И всё. Ответа, как и всегда в таких случаях, не последовало. Ни возражений, ни попыток доказать свою точку зрения. Молчаливое, обиженное согласие с поражением. Такое поведение бесило меня даже больше, чем прямые претензии. Эта пассивная агрессия, это ожидание, что мир должен под него подстраиваться.

По пути домой, медленно продвигаясь в вечерних пробках, я не мог выбросить из головы эту абсурдную ситуацию, которая, по сути, была лишь частным проявлением общего порядка вещей. Меня правда, до глубины души, бесили такие, как Андрей. И как многие другие. «Придумай», «Реши», «Помоги», «Дай», «Организуй». Весь мир для них — это сервис по исполнению желаний, а они — вечные клиенты, которые вечно чем-то недовольны. Они не понимают, не хотят понимать, что каждое моё достижение, каждая копейка в нашей фирме, каждое уважение в наших кругах — всё это выгрызено зубами, оплачено бессонными ночами, риском, постоянным напряжением и готовностью в любой момент дать сдачи. Я не тружусь для того, чтобы потом раздавать плоды своих трудов как милостыню или как обузу содержать тех, кто не желает трудиться. Я тружусь, чтобы выстроить систему, крепость, которая не рухнет от первого же дуновения ветра или от первой же просьбы «придумай что-нибудь».

С этими же гнетущими, циклически возвращающимися

мыслями я въехал в подземный паркинг своего дома. Тишина здесь была гулкой, нарушаемой лишь эхом моих шагов. Я вошёл в лифт, пахнувший холодным металлом и моющими средствами, и нажал кнопку одиннадцатого этажа.

Лифт плавно поехал и плавно остановился. Я вышел в тихий, освещённый мягким светом коридор. Подошёл к своей двери, вставил ключ. И в момент, когда ключ должен был провернуться, я замер. Что-то было не так. Дверь не была заперта на второй, более сложный замок. Я отчетливо помнил, что, уходя утром, защёлкнул оба. Я открыл дверь на сантиметр. Щель была тёмной, но из глубины квартиры, из гостиной, доносился приглушённый, тёплый свет торшера. Его я тоже не оставлял включенным.

Адреналин, горький и знакомый, резко вбросило в кровь. Все мысли о брате мгновенно испарились. Сознание сузилось до тонкого луча, до единственной цели — оценка угрозы. Тихо, почти бесшумно, я поставил спортивный рюкзак на пол у стены и скользнул внутрь прихожей, прикрыв за собой дверь, но не запирая её — путь к отступлению должен быть открыт. Рука привычным, отработанным до автоматизма движением легла на пояс, под куртку. Пальцы обхватили шершавую, рифлёную рукоять пистолета, ещё не вытащив его из кобуры, а лишь отстегнув предохранительную кнопку и приготовившись к молниеносному выхватыванию. Холод металла был знакомым, почти успокаивающим. Он означал действие, контроль, ответ.

Я, медленно ступая с носка на пятку, чтобы не скрипнул паркет, двинулся по короткому коридору, ведущему в гостиную. Прислушивался к каждому шороху, к каждому звуку. Ничего. Только тиканье настенных часов в кабинете и далёкий, приглушённый гул города за окнами. Сердце билось ровно, сильно, снабжая мышцы кислородом.

Из прихожей я увидел край гостиной. И силуэт. Кто-то стоял спиной ко мне у панорамного окна, глядя на бесконечное море огней ночной Москвы. Я резко, но без суеты, вошёл в комнату, уже почти начиная выхватывать оружие из кобуры, палец лег на спусковую скобу...

И замер. Спина мне была более чем знакома. Это была та самая спина, которую я видел с детства за обеденным столом, в кабинете, на деловых встречах. Прямая, широкая, несущая на себе груз невероятной ответственности. Я выдохнул, опуская руку с пистолетом, но в кобуру его не убрал. Это был мой отец. Сергей Мерцов.

Он стоял, заложив руки за спину, и в его обычно монолитной, непоколебимой позе читалась несвойственная ему напряжённость, почти сутулость. Он не просто смотрел на город — он всматривался, будто ища в этой карте огней какую-то конкретную, опасную точку. Услышав мои осторожные шаги, он не вздрогнул. Он медленно, как будто через силу, обернулся. Его лицо, обычно скрытое маской уверенности и жесткости, сейчас было просто серьёзным. Но в глазах, в этих пронзительных, голубых, почти ледяных глазах, ко-

торые я унаследовал, я увидел не привычную твёрдость или расчёт, а тревогу. Настоящую, глубокую, немую тревогу. Эту эмоцию я видел у него крайне редко.

Мы смотрели друг на друга несколько секунд в полной тишине. Отец оценивал моё состояние, мою готовность. И во взгляде отца мелькнуло что-то вроде... одобрения? Но оно тут же утонуло в общей озабоченности.

— Ну что, Денис, — произнёс он тихо, но очень чётко, без предисловий, без «как дела». Его голос был низким, густым как сырая земля. — У нас проблемы. Серьёзные. Нас заметили.

Глава 5

Эва

Я лежала в кровати, уставившись в потолок, где в темноте проступали знакомые трещины, складывающиеся в причудливые, бессмысленные узоры. Не торопилась встать, хотя внутренний счётчик уже отсчитывал последние минуты до звонка будильника. Первый рабочий день на новом месте. Не просто подработка, а какая-то ответственная, взрослая должность — «помощница». Звучало солидно, но в моей голове это слово вызывало лишь тревогу.

Мысли, как назойливые мухи, снова вертелись вокруг одного и того же. Вокруг вопроса, на который у меня никогда не было ответа, но который я задавала себе снова и снова, особенно в такие моменты, когда жизнь требовала собраться и идти вперёд. Могла ли я что-то изменить тогда? Убежать раньше, до того как стало слишком плохо? Быть более покорной, тихой, незаметной, чтобы не вызывать гнев? Меньше привлекать к себе внимание, слиться с обстановкой так, чтобы меня просто не замечали? И каждый раз, после долгих, мучительных размышлений, ответ приходил один и тот же — горький, окончательный и беспощадный. Нет.

Проблема была не в моих конкретных поступках, не в том, что я сказала или не сказала, надела или не надела. Проблема была гораздо фундаментальнее, страшнее. Она была в том, что я родилась не в той семье. В семье, где любовь была условной валютой, которую выдавали в обмен на полезность, на соответствие ожиданиям. В семье, где детство не было беззаботной порой открытий, а закончилось, едва успев начаться, сменившись долгом, страхом и необходимостью постоянно оправдывать своё существование.

Мой брат, Игорь, старше меня на четыре года. Он с самого начала был другим. Не лучше или хуже — другим. Он был надеждой и гордостью наших родителей, будущим наследником, продолжателем фамилии и дела. На него смотрели с ожиданием. А я... Я просто была. Эва. Дочь. Обязательство. Дополнительный пункт в списке достижений, который нужно было как-то отрапортовать перед обществом: «И вот наша дочь». Игорь с пелёнок, с какой-то поразительной, почти животной интуицией, усвоил негласные правила игры, установленные отцом. Он понимал, когда нужно быть твёрдым, когда — уступчивым, когда промолчать, а когда — блеснуть знанием. Он вписался в систему, как ключ в замочную скважину. А я вечно спотыкалась о её невидимые границы, наткнулась на запреты, не понимая, почему не могу носить то, что хочу, дружить с кем хочу, любить то, что люблю. Почему мои увлечения — книги, музыка, простые радости — считались «ерундой», отвлекающей от «главного».

Игорь был, в общем-то, хорошим братом. В своём безупречном исполнении роли «сына» он часто прикрывал мои мелкие, детские грешки — прогулы уроков, задержки после школы, общение с «неподходящей» компанией. Он мог отвлечь отца разговором о делах, когда тот начинал придирается к моей причёске или оценкам. Но эта защита, это прикрытие имели свою, скрытую цену. Если Игорь был «надеждой», светлым будущим семьи, то я по умолчанию стала «козлом отпущения», тёмным фоном, на котором его успехи сияли ещё ярче. Любая ошибка в отлаженной системе, любая оплошность, малейший сбой — и тяжёлый, испепеляющий взгляд отца тут же находил меня. «Это всё из-за Эвы. Она отвлекает брата от учебы. Она дурно влияет на него своим поведением. Она виновата». И даже молчаливое, полное понимания и сочувствия выражение лица Игоря в такие моменты не могло смягчить горечи от этой несправедливости.

С огромным, почти физическим усилием я оторвалась от подушки, от этих тягучих, ядовитых воспоминаний. За окном было темно, густо и неуютно. Предрассветная зимняя мгла, в которой даже снег казался грязно-серым. Наскоро закутавшись в огромный, уютный свитер, я побрела в ванную. Холодная вода, бьющая из крана, заставила вздрогнуть, но ненадолго прогнала остатки сна и мысленной тяжести.

На кухне царил знакомый полумрак, нарушаемый лишь тусклым светом от бра над плитой. Но София уже сидела за столом, сгорбившись над блокнотом, с огромной кружкой

кофе в руках. Её волосы были собраны в небрежный пучок, на лице — следы утренней задумчивости. Я молча подошла к плите, потрогала старый эмалированный чайник — он был ещё горячим, Софа только что выключила. Налила себе кофе из турки, густого и горького, и, присев напротив подруги, обхватила кружку ладонями, чтобы согреть пальцы.

— Я составляю списки, — сказала Софа, не отрываясь от блокнота. Её голос прозвучал тише и приглушённое, чем обычно, видимо, сон ещё не до конца отпустил её. — Списки того, что нужно купить на Новый год. Продукты, напитки, всякая мелочь. У нас будет, по предварительным данным, человек пять-шесть, не считая нас с тобой. Надо всё просчитать.

— Время восемь утра, Соф, тебе заняться больше нечем? — пробормотала я, потянувшись за сигаретой из пачки, валявшейся на подоконнике, и открывая форточку. Резкий морозный воздух ворвался в кухню, смешавшись с запахом кофе и сигарет, и хоть как-то взбодрил. — Новый год ещё не скоро.

— До нового года осталось два дня, Эв! — она наконец подняла на меня взгляд, и в её глазах я заметила нотки лёгкой обиды и укоризны. — Нужно закупаться скорее, потом всё разберут, цены уже взлетели, ассортимент закончится. Ты же знаешь как это бывает.

Я не ответила, снова уходя в себя, в свои мысли. Они неумолимо, по накатанной колее, возвращались к главному:

завтра, после работы, мне придётся ехать к родителям. Это не обсуждалось. Это был приговор. Когда пришёл Игорь в тот вечер, он не просил, не уговаривал. Он просто констатировал факт, холодно и безапелляционно: «Отец сказал. Ты нужна. У тебя нет выбора. Не заставляй его приезжать сюда». Я это понимала. До последнего момента я наивно, по-детски надеялась, что смогу как-то отвертеться, что они оставят меня в покое, забудут, махнут рукой. Но, видимо, я им для чего-то понадобилась. Для какого-то их грязного, тёмного дела, в которое я не хотела быть втянутой. Я презирала сам факт того, что Игорь работает на отца, что стал частью его механизма. Но, с другой стороны, странным образом я понимала его лучше, чем кто-либо. На него с детства возлагали все надежды, всю тяжесть фамилии и бизнеса. Его будущее было расписано не им. Если я была лишь нежеланной тенью, за содержание которой всё равно приходилось платить, то его ставки были неизмеримо выше. Он платил бы своей свободой, своими мечтами, своей душой. И я, наблюдая за ним все эти годы, видела, как эта душа постепенно каменеет, покрывается бронёй цинизма и расчёта.

Я не хотела потерять Игоря. Ведь он — мой брат. Моя кровь. Единственный человек в той семье, кто хоть изредка смотрел на меня не как на обузу. И если я могу хоть как-то, хоть своим жалким присутствием на их проклятых праздниках отвлечь на себя часть отцовского гнева, снять с Игоря какую-то долю давления, то я не стану читать ему нотации

о морали или правильности выбора. Я знаю, что он в этой системе заложник. Возможно, даже в большей степени, чем я. Он слишком ценен, чтобы его отпустить. И в этой чудовищной, парадоксальной мысли мне вдруг открылась горькая, невыносимая правда: возможно, в каком-то извращенном смысле, мне повезло больше. Мне, серой, неудачливой, «недостаточной» дочери, позволили сбежать. Отвернулись, махнули рукой, отпустили на волю, в эту бедность и неустроенность. Его — никогда не отпустят. Он обречён быть частью машины до конца.

— Эванс Эва, поступила в 21:14, ножевые ранения груди и живота, массивная кровопотеря, тяжёлое состояние, в реанимацию, срочная операция! — голос дежурного врача, хриплый от усталости и напряжения, резал ярко освещённый, стерильный коридор приёмного покоя.

Санитары, мокрые от снега и крови, несли окровавленные носилки, на которых лежало бездыханное бледное тело. Из-под края простыни свисала тонкая рука.

— Эванс? — молодая медсестра, помогавшая принимать поступление, нахмурилась, листая историю болезни на планшете. — Разве не она была в прошлом месяце с... с отбитыми ребрами и закрытой черепно-мозговой? Или с переломом... — она осторожно, но быстро начала спраши-

вать, голос её дрогнул.

— Не сейчас! Быстро позвать анестезиолога Глухова и ещё одного хирурга из второго корпуса! — перебил её главный хирург, пожилой мужчина с усталым, как бы высеченным из камня лицом. Он бежал рядом с носилками, уже надевая стерильные перчатки, не глядя на медсестру. Его голос не терпел возражений. — Готовим третий операционный! Быстро!

Я подошла к зданию будущего салона, моему временно-му месту работы на ближайшие две недели. Даже снаружи, сквозь лёгкую морозную дымку, было видно, что работы идут полным ходом и до какого-либо «будущего» здесь было ещё очень далеко. У входа стоял выдавший виды грузовик с прицепом, из которого двое рабочих в заляпанных краской касках заносили внутрь огромные листы гипсокартона, скрипящие на морозе. Пахло пылью, свежей краской, холодным металлом и выхлопными газами. Пропустив пару грузчиков с тяжёлыми коробками, на которых было написано «Хрупкое! Стекло!», я зашла внутрь, сжимая в руке листок с адресом, как будто он мог мне чем-то помочь.

Меня охватило лёгкое чувство дезориентации. Внутри царил настоящий, первозданный хаос стройки. Просторное помещение, которое, судя по плану, должно стать роскошным

салон, пока представляло собой голую бетонную коробку с торчащей из стен арматурой, наспех проложенными в гофре проводами и грудями строительного мусора под ногами. Стены без штукатурки, грубый бетонный пол, кое-где уже застеленный картоном и опилками. Повсюду стояли ящики с инструментами, мешки со штукатуркой, рулоны утеплителя. Язык не поворачивался назвать это место «салон» — это была типичная, шумная, грязная стройплощадка в самом разгаре. Воздух был холодным, сырым и пыльным, так как входная дверь постоянно хлопала, впуская морозные потоки, а оконные проемы были затянуты полиэтиленовой пленкой, которая гулко хлопала на сквозняке.

— Вы Эванс? — раздался резкий, деловитый женский голос прямо за моей спиной.

Я, вздрогнув, обернулась. Передо мной стояла женщина лет тридцати пяти в стильном деловом пальто песочного цвета, с безупречно уложенными каштановыми волосами и новейшим смартфоном в тонкой руке. Она выглядела так, будто случайно забрела на эту стройку напрямиком с модного показа или деловой встречи в дорогом ресторане. Её взгляд быстро скользнул по мне, оценивая.

— Да, я... Эва, — начала я, пытаюсь придать голосу уверенности, но получилось скорее виновато.

— Отлично, вовремя! — она тут же, не слушая, перебила меня, сунув мне в руки толстую пачку бумаг, скрепленных степлером. — Я Елена. Держите, это список задач на всё

время вашей работы. От приемки материалов до контроля чистоты. Всё расписано по дням и часам. Меня здесь практически не будет — параллельно открываю ещё одну точку. По возможности присылайте фотоотчеты о выполнении, номер внизу листа. И, пожалуйста, принимайте доставки, сверяйте по накладным. Ключи от помещения и подсобки лежат на импровизированном столе в углу, под кирпичом. Все понятно? Я бегу, на связи!

Не дав мне вымолвить ни слова, она развернулась на острых каблуках и стремительно вышла, хлопнув тяжёлой дверью с таким звонким стуком, что вздрогнули даже рабочие. Я осталась стоять посреди хаоса, холода и гула перфораторов с кипой непонятных бумаг в онемевших руках.

«Просто замечательно...» — прошептала я про себя, ощущая, как знакомое чувство беспомощности подкатывает к горлу. Справиться. Надо просто справиться.

Спустя три часа непрерывной беготни, вопросов к рабочим (которые сначала смотрели на меня с усмешкой, но потом, видя мое упорство, начали по-своему помогать) и изучения бумаг, я едва привела в порядок свои мысли и хоть как-то систематизировала ворох задач. Я составила себе примерный план на ближайшие дни, выписала на отдельный листок график ожидаемых доставок (их было шокирующе много) и, наконец, присела отдохнуть на единственную шаткую табуретку у самодельного стола из старой двери, положенной на два строительных козла. Фух. Я была морально и физи-

чески вымотана. Рабочие всё сновали туда-сюда, грохотали инструменты. Куртку и шарф я сняла ещё час назад; в тёплом свитере и джинсах было вполне сносно, хотя ноги в лёгких ботинках замерзли.

Дверь снова открылась, впуская в помещение очередную порцию морозного воздуха, от которого по коже побежали мурашки. Я машинально подняла взгляд от своих записей.

— Здравствуйте. Скажите, с кем я могу поговорить по поводу отделки и согласования дизайна? — послышался спокойный, ровный мужской голос, слегка заглушаемый шумом с улицы.

Передо мной стоял молодой человек, лет двадцати двух-трёх. Высокий, стройный, в элегантном чёрном пальто, из под которого виднелся тёмно-синий свитер. Тёмные, почти чёрные волосы были аккуратно уложены, а пронзительные серо-голубые глаза смотрели на меня с вежливым, деловым любопытством, без тени снисхождения или насмешки, которые я уже успела сегодня увидеть. В его руке была кожаная папка-портфель.

— Видимо... видимо, со мной, — я попыталась придать своему голосу уверенности и деловитости, но получилось довольно тихо и неубедительно. Я встала. — Я помощница Елены. Пока что я здесь за всё отвечаю.

Он коротко, одними уголками губ, улыбнулся. Улыбка была неяркой, но искренней.

— Отлично. Я Андрей Мерцов. Меня пригласили как ди-

зайнера для салона. Нужно согласовать референсы и планы.

Прошерстив все бумаги, я действительно наткнулась на пункт «дизайн и визуальное оформление» с припиской и контактами некоего «А. Мерцова». Чёрт. Значит, это правда. Нужно будет теперь всё тщательно перепроверить, свериться по списку. Но меня смутило и выбило из колеи другое: в моих задачах, в том же списке, было написано, что я сама должна выбрать наиболее подходящие референсы оформления для салона из предложенных дизайнером и отправить варианты Елене на утверждение. Я никогда в жизни этим не занималась! Я не понимала разницы между «ар-деко» и «лофтом», а тут нужно было выбирать вывески, цвет стен, мебель...

Парень стоял и спокойно наблюдал за моей немой паникой, которая, судя по всему, отражалась у меня на лице.

— Вы можете... — начала я, пытаюсь сформулировать внятную просьбу о помощи или хотя бы пояснениях, но парень вежливо меня перебил:

— Может, перейдём на «ты»? А то как-то слишком официально для стройплощадки. Я, кажется, видел тебя в университете, ты, вроде бы, на втором курсе, да? Филфак или журфак?

Его вопрос застал меня врасплох. Я качнула головой.

— Нет, на третьем. Факультет рекламы и связей с общественностью.

— О, совпадение, — его брови чуть приподнялись от

удивления. — Я тоже на рекламе. На четвертом курсе. Андрей.

— Эва, — автоматически представилась я. — Прости, я просто... сегодня первый день на этой работе и пока вообще ничего не понимаю в этих... референсах и вывесках... — я начала оправдываться, чувствуя, как краснею.

— Интересное имя, — констатировал он, его взгляд на миг стал более внимательным, но не навязчивым. — Не переживай, здесь всё проще, чем кажется. Я покажу тебе примеры оформления, варианты, которые я подготовил. Тебе нужно будет просто выбрать те, которые кажутся тебе самыми подходящими или просто... самыми красивыми, и просто отправишь варианты Елене. Я тебе подскажу, если что, — предложил он, и в его голосе прозвучало ободрение.

Спустя минут двадцать, после того как мы раздобыли в соседнем, чуть более обжитом подсобном помещении ещё один скрипучий стул, мы уселись за «стол». Бумаг, которые Андрей достал из своей папки, было слишком много. Эскизы, фотографии, каталоги, распечатки цветowych палитр. Он начал с самого, как мне казалось, простого — с вариантов вывески. И мне снова стало плохо. Одних только эскизов вывески, отличающихся по форме, шрифту, подсветке, было штук пятнадцать. Я смотрела на них, и буквы начинали расплываться, превращаясь в цветные пятна. Наверняка увидев на моём лице полную беспомощность, Андрей коротко и деловито сказал: «Знаешь что? Давай так: я как профессионал

предлагаю вот эти три варианта. Они самые оптимальные по сочетанию цены, читаемости и стиля. Выбери из них». Я чуть не расцеловала его мысленно и сразу же с огромным облегчением согласилась на первый вариант, который он показал, отправив его Елене. Ну а что я должна была делать? Наверное, он действительно лучше знает?

Когда мы закончили с эскизами вывески и примерной планировкой помещения (тут я просто кивала, доверяя его схеме), наконец-то приехала первая серьёзная доставка, которую я ждала по графику. Я встала и подошла к водителю грузовика, который уже вылез из кабины и разминал затёкшую шею. Мужчина лет сорока, в засаленной куртке, посмотрел на меня, потом окинул взглядом помещение и безразлично бросил:

— Мы не заносим. У нас контракт. Нет времени и людей. Выгрузим на тротуаре, дальше сами.

Я взглянула позади него и увидела, как его напарник уже начал сдвигать с кузова огромные, плоские коробки с будущей мебелью, которые я одна явно не смогла бы даже сдвинуть с места, не то что занести в помещение.

— Но ведь... в договоре, наверное... — произнесла я слабым голосом, чувствуя, как слёзы подступают к глазам от бессилия и страха не справиться. Мне всегда было невыносимо тяжело разговаривать с незнакомыми, уверенными в себе взрослыми людьми, особенно с мужчинами. Я сразу чувствовала себя маленьким, глупым ребёнком, который не

вправе что-то требовать.

— Девушка, у нас график, — отрезал водитель, уже поворачиваясь к кабине.

— Мы сами занесём. Где расписаться в накладной? — рядом со мной раздался спокойный, твёрдый голос Андрея. Он подошёл, встал рядом, и его рост и уверенная поза сразу изменили расстановку сил.

Водитель оценивающе, уже без прежнего пренебрежения, посмотрел на него, молча протянул папку с бумагами. Андрей быстро пробежал глазами, расписался, вернул. Водитель что-то буркнул своему напарнику, и они, явно нехотя, стали сгружать коробки ближе к входу. Андрей обернулся на меня:

— Не волнуйся. Я помогу. И рабочих попросим, они сейчас как раз перерыв сделают.

Спустя час, пропотевшие и уставшие, мы наконец-то занесли все коробки в подсобку. Мелкие, но тяжёлые упаковки с аксессуарами заносила я, огромные коробки — Андрей; кроме того, он действительно уговорил двух свободных рабочих помочь, пообещав им пачку сигарет. Теперь мы сидели на тех же стульях перед нашим «столом», переводя дух. Я достала из рюкзака маленький термос с чаем. Андрей просто сидел рядом, глядя на хаос вокруг с каким-то философским спокойствием.

— И как тебе здесь? Первый рабочий день на стройке, — глядя на меня, спросил он, и в его глазах мелькнула искорка

дружелюбного подтрунивания.

— Пустовато, — рассмеявшись, ответила я, оглядывая голые стены. — И холодно. Но вроде ничего, привыкну.

Андрей улыбнулся в ответ. Улыбка у него была красивая, открытая, без напряжения. А в глазах — то самое детское, живое озорство, тот самый «огонёк», который обычно гаснет у людей к нашему возрасту, вытесненный заботами.

— А сама работа? Не пугает объём? — продолжил он.

— Пока не очень понимаю, с непривычки, — честно призналась я. — Но завтра, наверное, будет яснее, втянусь. А тебе как? Часто с такими... неопределёнными заказчицами работаешь? — спросила я, имея в виду Елену.

— Обычно, — он пожал плечами. — Я давно занимаюсь этим, подрабатываю. Ищу какие-то проектные задачи на фрилансе, небольшие заказы. Это интересно.

Я немного удивилась: как он всё успевает? У него же последний курс, дипломную работу нужно писать, защищаться...

— А диплом? — не удержалась я. — Нужно же выпуститься, там, наверное, потом будет больше вариантов стабильной работы, а не просто фриланс.

— Диплом... да, есть такой пункт, — он усмехнулся. — Но в целом, я уже примерно представляю, что буду делать. Скорее всего, пойду работать в семейный бизнес, но думаю, что параллельно буду брать и проектные задачи на фрилансе. Это достаточно интересно и разнообразно, не даёт за-

киснуть. — Он отломил кусочек печенья, которое я неловко предложила. — А ты что планируешь? Ну, после учёбы.

Вопрос застал меня врасплох. У меня не было красивого, готового ответа.

— Пока не знаю, — сказала я, пряча взгляд и убирая термос обратно в рюкзак. — Как-нибудь разберусь. Ладно, давай смотреть дальше, а то день на исходе.

Следующий час мы потратили на обсуждение вариантов стойки ресепшен и диванов в зоне ожидания. И это, к моему удивлению, начало становиться действительно интересным. Не просто смотреть на картинки, а планировать, представлять, как бы ты хотела сделать, какие цвета лучше сочетаются между собой, где будет удобнее клиентам. Андрей не давил своим мнением, а спрашивал: «А тебе какой нравится?», «Как думаешь, этот цвет не будет слишком мрачным?» Но я сильно измоталась за день. За окном уже окончательно стемнело, и в неосвещенном помещении стало совсем темно, мы сидели при свете одной единственной строительной лампы.

Закончив с вариантами дивана (после долгих споров мы выбрали основной бирюзовый, дополняющие бежевые кресла и один акцентный красный пуф), я заглянула в список Елены, чтобы проверить, сколько всего пунктов по дизайну осталось, и не задерживаю ли я Андрея надолго. Он в этот момент встал, потянулся так, что хрустнули позвонки, и стал аккуратно складывать бумаги обратно в папку. Я посмотрела на него:

— На сегодня, думаю, хватит, — спокойно сказал он. — Остальное завтра.

— Прости, наверное, это всё нужно было решить сегодня... — виновато извинилась я, чувствуя себя обузой. — Я тебя задержала.

— Да брось, — он махнул рукой. — Я предполагал, что тут действительно очень много всего. Не факт, что даже недели хватит, чтобы все детально обсудить и согласовать.

«Недели?» — внутренне ужаснулась я. У меня-то контракт только на две недели праздничных каникул!

— Вообще-то я здесь надолго, — как будто прочитав мои мысли, сказал Андрей. — Мне нужно сопровождать эту часть — дизайн, заказы, приёмку. Так что, коллега, не переживай, у нас ещё будет время. — Он рассмеялся, и этот смех снял остатки напряжения.

Вроде бы, он меня успокоил. По крайней мере, я не чувствовала себя виноватой за то, что сорвала ему вечер.

Я надела свою нежно-голубую, уже порядком поношенную зимнюю куртку, замотала до носа белый вязаный шарф, который пах домом и стиральным порошком, и убрала бумаги со стола в папку. Засунув ту в рюкзак, накинула его на левое плечо — правое ныло от таскания коробок. Взяла ключи из-под кирпича на столе. Андрей стоял уже у выхода, застегивая свое элегантное пальто. Мы вышли на холодную, почти безлюдную улицу, оставив за спиной шум стройки, который теперь казался приглушенным, далёким.

Я повернула ключ в замке, проверила, плотно ли закрыта дверь, и убрала ключ в карман рюкзака. Потом обернулась к Андрею. Мы стояли под жёлтым светом уличного фонаря, и наше дыхание превращалось в белые облачка.

— Тебе в какую сторону? — спросил Андрей, засунув руки в карманы. — Мне нужно до ресторана «Розали», недалеко отсюда, у меня там встреча с другом.

Я знала это место — модный, дорогой ресторан с панорамными окнами. Внутри, конечно, никогда не бывала, но видела его вывеску много раз по пути из университета. Он был как раз в сторону моего дома, хоть и в более фешенебельной части района.

— Мне в ту же сторону, — сказала я, и мы неловко, почти синхронно, двинулись вперёд по тротуару, припорошенному свежим снегом. — Твой друг там работает? — решила я спросить, чтобы разрядить молчание, которое вдруг показалось слишком громким.

— Раньше работал там официантом, подрабатывал. Сейчас уже нет, но это единственное место, где ему удобно встретиться — недалеко от его нового дома, да и кухня там хорошая, — ответил Андрей.

— Понятно, — просто кивнула я, не зная, о чём говорить дальше. Разговор с почти незнакомым, но приятным парнем давался мне с трудом — я постоянно боялась сказать что-то глупое.

— Ты только в салоне работаешь? Ну, в будущем салоне,

— усмехнувшись, уточнил Андрей, и в его голосе снова зазвучала лёгкая, ненавязчивая ирония.

— Это подработка на праздничные выходные, — объяснила я. — А так ещё иногда подрабатываю в кофейне недалеко от дома.

— Нравится работать в кофейне? — спросил он, и вопрос прозвучал не как вежливость, а искренний интерес.

— Ну... — я замялась. — Выбора особого у меня нет. Я работала в других местах, но либо платили копейки, либо было слишком далеко от дома и учёбы. Ведь работала я обычно после пар, а приходиться домой в десять-одиннадцать вечера, ещё и делать конспекты... было не очень.

— Понимаю, — кивнул Андрей. — Я, в отличие от тебя, к счастью, могу позволить себе прогуливать иногда, хотя в прошлом году не получалось — сразу отработки, угрозы отчисления и так далее. — Он улыбнулся. — А в этом году нам сказали, что главная задача — просто защитить диплом, посещаемость уже не так строго смотрят.

— Такой расклад был бы для меня просто мечтой, — честно сказала я, улыбаясь в ответ. — Я бы смогла выходить чаще на подработки, больше зарабатывать... Да и просто высыпаться иногда.

Не успел он что-то сказать в ответ, как у меня в кармане куртки зазвонил телефон. Звонок был громким и настойчивым в вечерней тишине. Я достала мобильник, стряхнула снежинки с экрана. «Софа». Я приняла звонок, прикрыв ла-

донью трубку от ветра.

— Да, привет, — сказала я.

— Эва, ты скоро? Уже совсем темно, — с легким, но заметным беспокойством проговорила подруга. На фоне слышалось эхо нашего кухонного радио.

— Я уже иду домой. Ты давно вернулась?

— Буквально только зашла, сразу тебя набрала. Кстати, Лёша тоже к нам собирался, он уже свободен. Может, попросить его забрать тебя на машине? — предложила подруга. — Говорит, недалеко едет.

Я посмотрела на Андрея, который тактично отошёл на пару шагов, делая вид, что разглядывает витрину закрытого магазина.

— Да не нужно, спасибо, я уже почти у дома, дойду сама, — сказала я.

— Ну ладно, тогда жду, будь осторожней, — ответила Софа и положила трубку.

Я убрала телефон обратно в карман, чувствуя одновременно тепло от её заботы и лёгкое раздражение от гиперопеки.

— Прости, подруга интересовалась, скоро ли я буду, — извинилась я перед Андреем, который вновь подошёл ко мне.

— Да ничего страшного, — он махнул рукой. — Ты в гости к ней? — спросил он, и я поняла, что не объяснила ситуацию.

— Нет, мы снимаем квартиру вместе. Так дешевле, да и веселее, вроде, — улыбнулась я.

— И как это — удобно делить пространство? — спросил он, и мне снова показалось, что ему действительно интересно. — Я никогда не жил вместе с друзьями, только с семьей. С одной стороны, это кажется весёлым, постоянная компания, а с другой... некомфортным в плане личной жизни, уединения и так далее.

— Ну, парня у меня нет, — сказала я, и тут же почувствовала, что это прозвучало как-то слишком откровенно и глупо. — Поэтому насчёт этого пункта сказать не могу, — добавила я, тихо смеясь, чтобы сгладить неловкость. — Но а так нам удобно. Мы давно дружим, привыкли друг к другу. И, конечно, это намного дешевле, чем снимать по отдельности, поэтому мы не жалуемся. У Софии, моей подруги, есть парень, он часто у нас бывает, и, вроде бы, она тоже не жалуется на то, что я им как-то мешаю, — продолжила я, уже просто чтобы заполнить паузу.

— У тебя нет парня? — переспросил Андрей. — Как же у такой симпатичной девушки нет отношений? Что-то я не верю.

Я засмеялась, почувствовав, как от неожиданного комплимента по щекам разливается тепло.

— Звучит как самый примитивный, шаблонный комплимент из тех, что существуют, — парировала я, стараясь тоже говорить шутливым тоном.

— Спасибо, я старался быть незамысловатым, — рассмеялся Андрей в ответ, и его глаза весело блеснули в свете фонаря.

— А у такого любопытного и, видимо, занятого парня, что, нет девушки? — спросила я, сама удивляясь своей внезапной смелости.

— Увы, пока нет, — он развел руками с преувеличенно печальным видом. — Видимо, я слишком занудный со своими дизайнами и проектами. Или просто не везёт.

Я засмеялась и в этот момент, повернув голову налево, увидела, что мы уже подходим к ярко освещённому фасаду «Urban Spice». Из больших окон лился тёплый, золотистый свет, внутри виднелись силуэты людей за столиками. Мы остановились у входа.

— Тебе далеко идти отсюда? — спросил Андрей, и в его голосе прозвучала легкая, едва уловимая нотка сомнения. — Может... тебя стоит проводить? Чтобы наверняка.

— Нет-нет, всё в порядке, спасибо, — поспешно отказалась я. — Мне совсем близко, буквально десять минут. Я уже взрослая, дойду.

— Уверена? — переспросил он, и в его взгляде промелькнула искренняя забота.

— Абсолютно. Спасибо ещё раз за помощь с доставкой.

— Не за что. Коллеги же. — Он улыбнулся. — Тогда... получается, до завтра?

— Получается так, коллега, — выделив последнее слово, я

улыбнулась в ответ, кивнула на прощание и, повернувшись, пошла дальше по тротуару, оставляя его у дверей ресторана. Чувство было странным — усталость от тяжёлого дня смешивалась с какой-то лёгкой, почти невесомой теплотой от этого неожиданно приятного общения.

Зайдя домой, я первым делом увидела на пороге знакомую пару мужских ботинок. Видимо, Лёша уже у нас. Я сняла шарф и убрала его на верхнюю полку вешалки, где он пролежал уже добрых три года. Сняв куртку, я с наслаждением всунула ноги в свои любимые стоптанные тапочки с глупыми медведями. Прошла в свою комнату, поставила рюкзак у кровати и мысленно пообещала себе разобрать его позже, хотя знала, что скорее всего не разберу. «Позже» никогда не наступало.

Зайдя на кухню, я увидела знакомый, но от этого не менее впечатляющий беспредел: весь стол, а также часть столешницы и даже табуретки были завалены пакетами с продуктами, пачками печенья, бутылками с напитками и новогодними тарелками с изображением оленей и снеговиков. София стояла у раковины и мыла фрукты.

— О, ты пришла! А я после работы решила не откладывать и закупиться к Новому году, — сказала она, повернувшись ко мне. На её лице сияла улыбка предвкушения праздника. Лёша сидел за столом и разбирал гирлянду, которая вечно запутывалась.

Я прошла к единственному свободному стулу, захватив

по пути сигарету с подоконника. Закурив, сделала первую, глубокую затяжку и спросила:

— Так, ладно, с продуктами понятно. Давай по делу: кто у нас всё-таки будет? Окончательный список.

София вытерла руки и, подойдя к столу, достала из-под груды пакетов исписанный листок.

— Ну, смотри. Точные гости: Лёша, конечно. Стас — он точно придёт. Потом Марк и Диана с нашего курса, ты их знаешь. И ещё Кирилл. Ты его должна помнить, он был на дне рождения Лёши в прошлом году, тоже его бывший однокурсник.

Что ж, Кирилла я, к сожалению, помнила очень хорошо — самоуверенный бабник, который тогда пытался клеиться и ко мне, и к Софии одновременно, а в конце вечера умудрился разбить нашу вазу. С Дианой и Марком я не поддерживала близкие дружеские отношения, в отличие от Софы, но в пределах университета мы вполне нормально общались, они были милой, неконфликтной парой.

— И ещё Дэн должен быть, — добавил Лёша, не отрываясь от борьбы с гирляндой. — Правда, он пока не на связи и точного ответа не давал. У него на работе сейчас какой-то завал, аврал. Но не будет же он встречать Новый год в одиночестве, верно? Тем более, что большая часть его друзей будет здесь. Он просто обязан прийти, — закончил Лёша с уверенностью, которая, как мне показалось, была слегка наигранной.

— Что ж, — вздохнула я, глядя на это изобилие. — Ну, давайте, с чем помочь? Нужно же все это как-то систематизировать.

Софа сияюще улыбнулась, увидев мою готовность включиться.

— Отлично! Нужно придумать, что именно будет стоять на столе, составить меню. И ещё нужно как-то этот стол и комнату украсить, создать атмосферу. Составь списки блюд, чтобы мы завтра, в последний день перед праздником, начали всё готовить. И пока думаешь, можешь начать сортировать продукты: что в холодильник, что в шкаф, что пока тут оставить.

Я посмотрела на гору пакетов, на сияющее лицо подруги, на сосредоточенного Лёшу, и поняла, что сегодняшней день на этом не закончился. Что ж, поехали. Новый год, как говорится, уже на пороге, и отступать некуда.

Глава 6

Эва

К десяти утра я уже была у будущего салона. Точнее, стояла у его двери, ключ в руке ощущался холодной, незнакомой тяжестью. Воздух был промозглый, декабрьский, и я ещё пару секунд топталась на пороге, глядя на матовое стекло, за которым угадывались контуры пустоты. Потом повернула ключ, щелчок замка прозвучал громко в утренней тишине. Дверь открылась, впустив внутрь струю морозного воздуха и слабый солнечный свет, который упал на пыльный бетонный пол.

Рабочие должны были приехать с минуты на минуту, а первые доставки мебели начнутся через час. В этот раз мне предстояло самой ставить им задачи по списку. Ответственность давила приятной и тревожной тяжестью. Сразу сняв куртку, я повесила её на единственный гвоздь у входа. Достала из сумки блокнот, распечатанный список и план помещения, испещрённый пометками.

Тишина была звенящей, почти осязаемой. Я вычеркивала выполненные пункты, отмечала новые, мысленно распределяла, кто из рабочих чем займётся. Через два часа после

моего прихода в помещении уже кипела жизнь. Рабочие — двое мужчин лет сорока, Виктор и Сергей, молчаливые и исполнительные — получили от меня новые задания по электрике и установке дополнительных светильников. Я успела принять две доставки: коробки с сантехникой для будущей мини-кухни и умывальника для зоны клиентов. Мебель, не подлежащую немедленной сборке, в виде громоздких коробок мы втроем перенесли в соседнюю комнату, бывшую кладовку, которая теперь служила временным складом.

Так, появилось пять свободных минут. Я просто закрыла глаза, прислонившись спиной к прохладной стене, стараясь расслабить напряжённые плечи. Но расслабиться не получалось. Из головы не выходила навязчивая как заноза, мысль, что вечером мне предстоит встреча с родителями. Сразу после работы. Не просто встреча, а вызов, явка с повинной в логово, которое я когда-то с таким трудом покинула. Придётся потратиться на такси туда и обратно — это вылетело бы в копейчку, почти в дневной заработок, но автобусы в их район ходили неохотно, а идти пешком от станции метро было далеко и неудобно по тёмным, пустынным улицам закрытого поселка. Перспектива меня не радовала. Был ли внутри страх? Конечно, холодный и скользкий, сжимающий желудок. Хотелось ли всё бросить и забыть, проигнорировать звонок Игоря? Ещё как. Но я знала, что это не работает. Они нашли бы меня. Всегда находили.

Поток мрачных мыслей прервало появление Андрея. Я

услышала скрип открывающейся двери, шаги и повернула голову в его сторону. Сегодня на нём был обычный черный пуховик, чуть потёртый на локтях, а в руке, как и вчера, он держал кожаную папку с бумагами. Его лицо было румяным от мороза, а волосы слегка взъерошены ветром. Увидев меня, он коротко улыбнулся, и это неожиданно растопило немного льда внутри.

— Привет, — сказала я, и мой голос прозвучал чуть хрипловато от долгого молчания.

— Привет, как ты? — спросил Андрей, приближаясь к нашему импровизированному столу — паре строительных козлов, накрытых листом ДСП. Он положил папку на поверхность, стряхнул снег с плеч.

— Пока справляюсь, — коротко ответила я, наблюдая, как он снимает куртку и усаживается. От него пахло морозом, свежим воздухом и чем-то ещё — кофе, наверное. Я тяжело вздохнула, глядя на разложенные планы: — Ну что, начнём? По электрике я им всё объяснила, осталось обсудить этот чёртов водопровод под умывальник.

Мы склонились над схемами. Андрей достал карандаш, начал что-то пояснять, его пальцы уверенно водили по бумаге. Я слушала, кивала, временами спорила. Работа, знакомые детали, его спокойный, деловой тон — всё это понемногу возвращало меня в сегодняшний день, отвлекало от вечернего кошмара. Так и прошло несколько часов в совместном обсуждении, подгонке, принятии решений.

К трём часам дня, когда рабочие ушли на перекур, а мы поставили последние галочки в списке на сегодня, мы устроили и свой небольшой перерыв. Андрей достал из рюкзака термос, налил в крышку-чашку тёмный ароматный кофе и протянул мне.

— Держи, согреешься. Здесь мерзлота.

— Спасибо, — я приняла чашку, обжигая ладони. Глоток горячего, крепкого напитка разлился приятным теплом. — Ты прям как волшебник с этим термосом.

Андрей усмехнулся, наливая себе.

— Завтра и послезавтра же выходные? — уточнил он, отхлёбывая кофе и глядя на меня поверх края чашки. — Имею в виду, тридцать первого и первого.

— Да, официальные. Рабочие выйдут только второго, — подтвердила я, делая ещё один глоток.

— Как отмечать будешь? С семьёй? — поинтересовался он, и в его голосе не было праздного любопытства, скорее — осторожное участие.

Я чуть помолчала, глядя на пар, поднимающийся от чашки.

— Нет, с друзьями. Точнее, с друзьями моих друзей, — усмехнулась я, стараясь, чтобы смех прозвучал естественно. — У меня всего два близких друга: София и её парень Лёша. Они собирают небольшую компанию. А ты?

— Тоже с друзьями друзей, — рассмеялся Андрей, отставляя термос. — Только у нас будет вечеринка побольше,

у товарища на загородной даче. А там, сама понимаешь, знакомые знакомых и так далее, народ набьётся как селедок в бочку.

— Ну, тогда по сравнению с тобой, я буду в узком, почти семейном кругу, — улыбнулась я в ответ, и эта улыбка на секунду была почти искренней.

В этот момент мой взгляд, блуждавший по комнате, упал на улицу за спиной Андрея. Большое окно, ещё не завешенное шторами, выходило на узкую тихую улочку. И улыбка мгновенно исчезла с моего лица, словно её сдуло ледяным порывом. К тротуару медленно, почти бесшумно, подъезжал чёрный Mercedes. Длинный, глянцевый, с тонированными стёклами. Я узнала его сразу. Такие же премиальные машины, всегда начищенные до зеркального блеска, стояли и в нашем гараже. Символ. Вечный контроль. Машина притормозила прямо напротив входа и замерла. Из неё никто не выходил, лишь лёгкий парок вырывался из выхлопной трубы на морозе. Но я понимала, что это значит. Они приехали. Это было сообщение. Я всегда на виду.

Я знала, что никогда не останусь одна, не исчезну, не растворюсь в этой новой, такой хрупкой реальности салона, друзей и простой работы. Кто-то всегда знал, где я: где работаю, по какой дороге иду после учебы, до сколько смены в кофейне, с кем общаюсь. Эта мысль, всегда сидевшая где-то на задворках сознания, теперь материализовалась в виде чёрного автомобиля за стеклом.

Я встала. Чашка с недопитым кофе пошатнулась, и несколько капель пролилось на чертёж. В этот момент в тишине помещения, нарушаемой лишь гулом обогревателя, зазвонил мой телефон. Вибрация была громкой, настойчивой. Я посмотрела на экран. «Игорь». Я сбросила вызов. Резко, почти с яростью ткнув в красную трубку. Сердце заколотилось где-то в горле. Схватила куртку с гвоздя и посмотрела на Андрея, который наблюдал за мной с нарастающим недоумением.

— Прости, пожалуйста, закрой сегодня помещение. Извини. Ты можешь выслать мне варианты по светильникам, я тебе всё перешлю вечером, — затараторила я, слова вылетали пулемётной очередью, спотыкаясь друг о друга.

Телефон зазвонил снова. Та же мелодия, та же настойчивая вибрация. Я не смотрела на экран.

— Спросишь мой номер у Елены, извини, я потом всё объясню, — второпях бросила я, выкладывая связку ключей на стол рядом с его папкой.

Я выбежала из салона, не надевая куртку, лишь на ходу натягивая один рукав, и направилась к задней дверце машины. Холодный воздух обжёг лёгкие. Дверца открылась сама, изнутри, беззвучно. Я заскочила внутрь, захлопнула дверь. Тепло и запах дорогой кожи, чистоты и какого-то тяжелого мужского парфюма ударили в нос.

Только теперь я увидела Игоря, также сидящего на заднем сиденье слева от меня. Его лицо было непроницаемым,

взгляд холодным и оценивающим. По моему лицу, наверное, искажённому смесью страха, злости и растерянности, он всё понял без слов. Я мельком глянула в окно: Андрей стоял у входа в салон, видимо, выбежал вслед за мной. Он не подходил ближе, просто смотрел на машину, его фигура в тёмном пуховике казалась незначительной на фоне большого здания. Машина плавно, без рывка, уже начала движение, увозя меня от этого места, от этих пяти минут покоя, от чашки недопитого кофе. Я откинулась на спинку сиденья, закрыв глаза на секунду, пытаюсь унять дрожь в руках. Потом повернула голову и встретилась взглядом с Игорем, который пристально, не отрываясь, смотрел в боковое окно на удаляющуюся фигуру Андрея.

— Коллега, — сухо, отрывисто сказала я, предвосхищая его неизбежный вопрос. Мой голос прозвучал чужим, сдавленным.

Игорь всегда интересовался моим окружением, знал моих немногочисленных друзей в лицо и по именам, владел всей информацией о них — где учатся, работают, кто их родители. Когда-то, в детстве, я принимала это за гиперопеку старшего брата, за заботу. Потом поняла: это была тотальная слежка, часть системы безопасности семьи, часть контроля, от которого я так отчаянно бежала. Заранее, ещё в салоне, переведя телефон в беззвучный режим, я теперь просто прикрыла глаза, отгородившись от него, от водителя в чёрной форме. Ехать предстояло немало, почти на другой конец го-

рода, в закрытый посёлок за кольцевой. Дорога промелькнула за окном как смутный, неясный сон — я не видела ни праздничных огней, ни спешащих по предновогодним делам людей, полностью уйдя в себя, в воспоминания о том самом дне, когда всё началось, когда я попыталась разорвать эту паутину.

Дождь тяжёлыми каплями стучал по крыше нашего дома, по листьям огромных клёнов в парке, по длинной асфальтированной подъездной дорожке.. Мне было семнадцать, и у меня был собранный рюкзак. Небольшой, спортивный, купленный когда-то для походов в горы, в которые мы так ни раз у и не съездили. В нём лежало самое необходимое: пара сменной одежды, туалетные принадлежности, паспорт, все наличные деньги, которые я смогла незаметно отложить за несколько месяцев, и старый ноутбук. Я стояла в прихожей, у массивной дубовой двери, и смотрела на мать, которая застала меня здесь. Она спускалась по лестнице, неся в руках вазу с только что срезанными орхидеями из оранжереи. Увидев меня с рюкзаком, в простой куртке и джинсах, а не в школьной форме или одном из тех нарядных платьев, что мне покупали для приёмов, она замерла. Ваза дрогнула в её руках.

— Эва? Куда это ты? Отец велел быть к шести, у нас

гости из Милана...

— *Мам, пожалуйста, отпусти меня. — Мой голос был тихим, но в нём не дрогнула ни одна нота. Я говорила, почти не шевеля губами, боясь, что нас услышат. — Я не нужна вам на этих приёмах, я не смогу делать всё это, сидеть с каменным лицом, улыбаться этим людям... ты же сама знаешь, как мне там плохо...*

— *Эва, ты же знаешь, что отец...* — *начала было она, и в её голосе послышалась знакомая, изматывающая нота беспомощности.*

Мать всегда соглашалась с отцом, зная, что его решения не подлежат обсуждению, что любое противоречие грозит не её благополучию, а моему. Она любила его, странной, зависимой любовью, но любила и меня, и потому иногда в её глазах, когда отец не видел, проскальзывала неподдельная, глубокая печаль, когда она смотрела на свою дочь, всё больше отдаляющуюся от их мира.

— *Скажи, что не видела меня. Скажи, что я в библиотеке, что задерживаюсь у репетитора. Скажи, что это неважно, что так будет меньше проблем, пожалуйста. — Я умоляла, и по моим щекам, вопреки всем обещаниям себе быть твёрдой, покатались одинокие, горячие слёзы. — Он поймёт, он... он согласится в конце концов. Ему будет спокойнее.*

— *Ты не сможешь вернуться, ты понимаешь это? — спросила мама, и её голос стал совсем тихим, шепотом. Она*

поставила вазу на консоль, подошла ближе. — Как ты будешь жить? У тебя нет профессии, ты не знаешь, как платить за квартиру, как...

Она намекала на мою неспособность к самостоятельной жизни, вскормленную годами изоляции и гиперконтроля. Но, взглядевшись в моё лицо, в глаза, полные не детского страха, а взрослой, выстраданной решимости, она что-то поняла. Или сдалась. Она медленно, почти незаметно кивнула. И отпустила меня. Однако в её глазах, в тот самый миг, когда она отступила от двери, не осталось ни прежнего беспокойства, ни той материнской печали — лишь пустое, ледяное равнодушие, как будто она только что закрыла какую-то внутреннюю дверь, за которой была я. Она сделала несколько шагов назад, к лестнице, и развернулась, чтобы уйти, не оглядываясь. Я выскользнула за дверь, ловко проскочив мимо замершего в нерешительности охранника у поста — молодого парня, который видел, как я плакала, и на мгновение опустил глаза, сделав вид, что проверяет рацию.

Тот побег был неудачным. Меня вернули через три дня. Но семя было посажено, и в следующий раз я смогла сбежать.

Машина плавно затормозила, вырвав меня из воспоминаний. Мы подъезжали к до боли знакомому месту. К дому, который должен был быть мне роднее всего на свете, но был

лишь красивой, холодной тюрьмой. Двухэтажное здание в стиле неоклассицизма по-прежнему выглядело внушительно и недружелюбно. Серая мраморная отделка фасада даже в зимних сумерках отдавала синевой, безупречный, ухоженный участок с фигурно подстриженными кустарниками, укрытыми снегом, высокие кованые ворота с витым узором — всё это кричало о статусе, деньгах и недоступности, но для меня было слишком пафосным, слишком чужим, лишённым души. Ворота бесшумно разъехались. Машина плавно подкатила по начисто выметенной дорожке к парадному входу. На улице никого не было. Ни прислуги, вышедшей встретить, ни матери на пороге. Видимо, встречать дочь, вернувшуюся не по своей воле, никто не собирался. Я горько усмехнулась этой мысли. «Всё по протоколу», — подумала я. Мы остановились. Водитель вышел, чтобы открыть мне дверь, но я уже сама толкнула её и вышла на холодный воздух.

Я замерла, подняв голову к окну на втором этаже, — там была моя бывшая комната. Шторы были плотно задёрнуты. Сердце бешено колотилось, и его стук отдавался в ушах гулом, заглушая даже тихий шелест ветра в елях. Накинув куртку на плечи, я посмотрела на Игоря, который встал рядом, застегивая перчатку. Его лицо в свете фонаря у входа было напряженным, брови слегка сведены.

— Ты готова? — спросил он с лёгкой, тут же погашенной профессиональной сдержанностью ноткой беспокойства. Не личного, а скорее оперативного: «Готова ли к миссии?».

— Чем быстрее начнём, тем быстрее закончим, — буркнула я, пряча трясущиеся руки в карманы.

Мы вошли в дом. Прихожая была огромной, с высоченными потолками, от которых веяло холодом. Мой взгляд скользнул по знакомой массивной хрустальной люстре, которая сейчас казалась мне просто большой и безвкусной игрушкой по сравнению с исполинским, многоярусным светильником в гостиной — там всегда проходили официальные приёмы и деловые встречи. Меня от всего этого тошнило. Тошнило от того, как каждая деталь, каждый блестящий элемент кричал о власти и деньгах, и как за этим блеском скрывалась гниль. Я сняла куртку и повесила на вешалку слева, где всегда висела моя детская одежда. Игорь поступил так же, сняв пальто. Он бросил на меня короткий, оценивающий взгляд и направился вглубь дома, не снимая уличных ботинок. «Да, я отвыкла от этих дурацких правил», — мелькнуло у меня в голове. Я пошла за ним по пятам, по знакомому скользкому полу.

Войдя в гостиную, я остановилась на пороге, дав глазам привыкнуть к свету. Ничего не изменилось с того дня, как я сбежала. Все тот же гигантский, угнетающий бордовый диван, несколько строгих, как гроб, кресел из темного дерева и кожи, к которым в детстве было боязно прикоснуться, — они выглядели как музейные экспонаты, а не предметы для отдыха. На стенах в золочёных, тяжёлых рамах висели картины — безлюдные пейзажи и суровые портреты незнакомых

людей. У меня никогда не было сомнений в их подлинности. Отец не позволил бы повесить в своем доме подделку, только настоящее, только инвестиция. Мраморный пол блестел до зеркального блеска, отражая огни люстры. Конечно, его мыли вручную, на коленях, — наши домработницы, Марина и Ольга, никогда не позволяли себе расслабиться, зная, что за малейшую пылинку, за малейшую оплошность их либо уволят без рекомендаций, либо заставят работать до изнеможения, лишая выходных. Когда я была маленькая, всегда их жалела, пыталась незаметно подсунуть шоколадку или помочь донести тяжёлое ведро, на что отец однажды холодно, при всём честном народе за ужином, сказал: «Ты выше их, Эванс. Ты не должна на них даже смотреть как на людей. А ты их жалеешь. Ты что, отброс, а не моя дочь? Или ты хочешь стать такой же?» Мне тогда было двенадцать.

Отец сидел в одном из кресел спиной к входу, глядя в камин, где трещали дрова. Он медленно, как бы нехотя, повернулся и окинул меня оценивающим, сканирующим взглядом с ног до головы. Его взгляд задержался на моих простых джинсах, на кроссовках, на вязаной кофте. Его губы, тонкие и бледные, искривились в едва заметной гримасе, словно он видел нечто отвратительное, недостойное находиться в его поле зрения. Обернувшись обратно к огню, он негромко, но так, чтобы было слышно, бросил в пространство:

— Таня! Приехали.

Я посмотрела налево, в сторону арки, ведущей в столо-

вую. Оттуда вышла мама. Она несла в руках большой серебряный поднос с изящно нарезанными фруктами: долями апельсина, звездочками киви, зёрнами граната. С деланной, напряжённой улыбкой на лице она подошла к низкому столику из чёрного стекла перед диваном и поставила угощение. Она всегда любила готовить, находила в этом покой, но отец категорически запрещал ей «возиться на кухне, как прислуге». Поэтому она ограничивалась малым — нарезала фрукты, раскладывала изысканные блюда, привезённые кейтерингом, по тарелкам, составляла букеты. Ей нравилось делать что-то приятное, красивое для других, будь то семья или деловые партнеры отца. Это было крошечное, дозволенное ей поле для творчества. Повернувшись, она подарила мне тревожную, вымученную улыбку. Её серо-зелёные глаза, такие же, как у Игоря, нашли меня, пробежались по моему лицу, задержались на глазах, будто ища ответа на немой вопрос. Натуральные светлые волосы были уложены в элегантную, но строгую причёску. Ни одной волосинки не выбивалось. Бирюзовое плиссированное платье до колен — её любимый цвет, который, как она говорила, напоминает ей море, что она так редко видела. Мама сделала шаг мне навстречу, и я, преодолевая внутреннее сопротивление, ответила тем же. Она обняла меня легко, почти невесомо, окутывая знакомым ароматом духов. На глаза навернулись предательские слёзы — от этого запаха, от прикосновения, от всей нелепости и ужаса ситуации. Но я сдержала их, сглотнув ком в горле, и

просто прошептала ей на ухо:

— Привет, мам.

Она сделала шаг назад, окинула беглым, но цепким взглядом мою бледно-голубую вязаную кофту, серые джинсы и кроссовки. Да, я явно не соответствовала их миру, их представлению о том, как должна выглядеть дочь Александра Эванса. Отец, как и Игорь, был облачён в безупречно сидевший тёмно-серый строгий костюм, его галстук был завязан безукоризненным узлом.

— Садитесь. Игорь, прошу, — скомандовал он, не оборачиваясь, дав брату какой-то отдельный, заранее оговоренный знак почти незаметным движением головы.

Я прошла к дивану, обходя тот самый злополучный стеклянный столик, и аккуратно села на самый его край, как будто готовая в любой момент вскочить. Игорь последовал за мной, но остановился позади дивана, опершись руками на его спинку, заняв позицию наблюдателя, надзирателя.

— Эва, телефон, — сухо, как отзвук далекого эха, напомнил Игорь о правилах.

Я без возражений, чувствуя себя глупым школьником, достала из кармана джинсов свой недорогой смартфон и протянула ему, не глядя. Всё было ясно. Отец по-прежнему считал, что мне нельзя доверять, что я могу кому-то позвонить, что-то записать, кого-то предупредить. Игорь взял телефон, быстрым движением выключил его и куда-то вышел. Мама села во второе кресло, на самый его краешек, сложив руки

на коленях. На её лице не осталось и следа недавнего мимолетного волнения, лишь привычная, отрепетированная маска спокойствия и отстранённости.

— Ну и как? — начал отец, наконец поворачиваясь ко мне всем корпусом. Его глаза, серые и холодные, как лёд на луже, впились в меня. — Как тебе реальная жизнь, где деньги не падают с неба как должное, а их нужно зарабатывать? — прозвучало язвительно, с явным презрением к самому понятию «зарабатывать».

— Всё хорошо, отец. Я подрабатываю. Учусь. Мне никогда не были нужны твои богатства, если ты об этом, — сухо, стараясь копировать его бесстрастный тон, парировала я.

— Что ж, меня это не сильно волнует. Твоё хобби — твоё дело, — отмахнулся он, как от назойливой мухи. — Ты знаешь, зачем ты здесь?

— Полагаю, не для того, чтобы узнать, как у меня дела, и не для того, чтобы вместе встретить Новый год, — ответила я с той же ледяной, вымороженной безэмоциональностью.

— Рад, что у тебя осталось хоть какое-то подобие логического мышления, — уколол он, но затем, к моему удивлению, смягчил тон, сделав его почти деловым. — У нас к тебе есть... просьба, — он скривился, словно слово «просьба» было противным, непривычным на вкус. Меня удивила такая формулировка. В этом доме не было просьб. Были приказы.

— Я слушаю, — сказала я, чувствуя, как по спине пробежал холодок предчувствия.

— Ты знаешь наш бизнес. Он всегда был, есть и будет. Тебя пытались чему-то научить, что могло бы послужить общему делу, но, как видишь, не вышло. Твое упрямство и сентиментальность оказались сильнее. — Он сделал паузу, давая этим словам повиснуть в воздухе. — Но не в этом суть. В любом бизнесе, даже в самом уважаемом, есть конкуренты. И наши соперники в последнее время обошли нас на нескольких перспективных тендерах. Уже давно, но сейчас их рост стал слишком стремительным, слишком наглым. Их нужно... обезвредить. По крайней мере, ключевое звено. — Моё сердце провалилось куда-то в пятки, замерло. Я знала, что значит «обезвредить» в устах моего отца. — А для этого нам нужна информация. Конкретная, внутренняя. Чтобы её добыть, нужен доступ. А для доступа нужна ты.

У меня в голове пронеслось, громко и чётко: «Какого чёрта? Почему я?»

Удивление, смешанное с отвращением, на моём лице было очевидным. Я не стала его скрывать.

— И почему я? Чем я лучше нанятых вами профессионалов, этих... твоих людей? — спросила я, не в силах понять его извращенную логику.

— Видишь ли, все эти наёмники, взломщики, шпионы — уже пройденный этап. Слишком скучно, слишком предсказуемо, слишком рискованно. Люди склонны ошибаться, а их ошибки ведут к лишним смертям, к вниманию со стороны тех, чьё внимание нам не нужно. Мне не хочется сейчас раз-

гребать такие последствия. — Он сделал паузу, пристально глядя на меня, будто пытаюсь проникнуть мне в череп. — У наших конкурентов есть сын. Если бы была дочь, мы бы отправили Игоря. Но есть ты. Наша задача — простая и элегантная. Мы хотим, чтобы ты с ним познакомилась, вызвала симпатию. Заслужи доверие. Он молод, наивен, романтичен, каким и должен быть в его возрасте. Через него ты получишь доступ к его отцу, к его дому, к разговорам, к информации об их предстоящей крупной сделке. Когда мы получим данные и обрушим их планы, это будет наш «привет». И всё это — без лишнего шума, без выстрелов, без тел. Чистая информация.

Я резко поднялась с дивана, как будто меня ударило током. Глядя отцу прямо в глаза, стараясь, чтобы голос не дрогнул, чётко проговорила:

— Я не знаю, с чего ты решил, что я соглашусь на это. Я давно, с того самого дня, когда ушла, дала понять, что не хочу иметь ничего общего с вашими грязными, кровавыми делами. Я не стану причиной гибели людей, пусть даже и ваших врагов. Я не стану той, кто предаёт доверие, играет чувствами. Я не смогу этого сделать. Для этого у вас есть Игорь, который разделяет ваши взгляды, ваши принципы, если их можно так назвать. Не я. — Я сделала шаг к выходу из гостиной, чувствуя, как нарастает волна гнева, отвращения и какой-то животной, первобытной жажды свободы.

— А я-то думал, ты поумнела за эти годы самостоятель-

ной жизни, — голос отца, тихий и опасный, как шипение змеи, прозвучал у меня за спиной, и я замерла, будто вросла в мраморный пол. — Но ты всё та же глупая, наивная девочка, которая живёт в мире своих фантазий о добре и зле, о честности. — Я обернулась и увидела, как он медленно, словно хищник, поднимается с кресла. Его движения были плавными, полными скрытой силы.

— Саш... — тихо, почти неслышно попыталась вступить — мама, её пальцы вцепились в подлокотники кресла, но отец даже не взглянул в её сторону, продолжая двигаться ко мне, не сводя с меня ледяного взгляда.

— Ты — Эванс! — прошипел он, уже приближаясь, сокращая расстояние. В его шипении слышалось бешенство. — Ты априори должна участвовать в делах своей семьи! Это твой долг, твоя кровь, твоя ответственность! Ты думаешь, твоя учеба — это твоя заслуга? Это наша снисходительность, которую в любой момент можно отозвать!

Он остановился прямо передо мной. Его лицо было так близко, что я видела каждую пору на коже, холодный блеск глаз. Его ладонь, широкая и тяжёлая, со всей силой, на которую был способен мужчина, привыкший к силе, обожгла мою щеку. Удар был резким, оглушающим. Звон в ушах, вспышка белой боли. Я инстинктивно прикрыла щеку рукой, чувствуя, как кожа под пальцами тут же начинает распухать и гореть. Он бросил взгляд куда-то позади меня и коротко кивнул.

Сразу же тяжёлые железные руки легли мне на плечи, с нечеловеческой силой принуждая опуститься коленями на холодный, отполированный до зеркала мраморный пол. Я попыталась вырваться, обернуться, чтобы увидеть, кто это, но железная хватка не ослабевала, пальцы впивались в кожу так, что я вскрикивала от боли. Это был кто-то из личной охраны отца, титан в чёрном костюме, которого я даже не заметила в комнате. Я смотрела на отца снизу вверх, и в глазах у меня от унижения и боли плясали черные, мерцающие точки.

— Ты нужна своей семье. И ты должна быть рада помочь, хоть и такой мелочью, как твоя честь, — его голос был спокоен, ровен и от этого страшен в тысячу раз больше, чем если бы он кричал.

Отец смотрел на меня, как на насекомое. Следом, без всякого изменения в выражении лица, он резко и точно ударил кулаком мне в переносицу. Я услышала глухой хруст, который отдался у меня внутри черепа, и по лицу разлилось мгновенное, обжигающее тепло, а в горле встал солёный, медный ком. Кровь хлынула ручьём, теплая и липкая, заливая губы, подбородок, капая на голубую вязку моей кофты и на пол. Я попыталась зажать нос рукой, понимая, что это бесполезно, и просто вытерла густую, алая струю рукавом. Боль была ослепительной, но я, исказившись от неё и от ярости, растянула окровавленные губы в улыбке. Наверное, это выглядело как сущее безумие, как гримаса сумасшедшей.

— Если помощь семье — это становится убийцей и предательницей, — я хрипло проговорила, кровь заливала мне рот, и я давилась ею, — то знаешь что... Иди ты. Иди ты к чёрту со своей семьёй и долгом. — Я собрала в рот кровь и слюну и плюнула кровавым комком прямо на его лакированные туфли. — Ты всегда был моральным уродом, прикрывающимся семьёй и долгом. Ты построил себе маленький мирок, купил в нём всех и вся и возомнил себя его богом. Но твоя власть заканчивается там, где начинается чужая воля. Я не твоя пешка. Никогда ею не была и не буду. Ни за что.

Лицо отца исказила гримаса чистейшей, неконтролируемой ярости. Маска холодного патриарха рухнула, и я увидела того самого зверя, который всегда скрывался под ней. Он не сдержался. Последовал ещё один удар по уже пылающей щеке, затем другой — снова в лицо, в скулу. Я слышала лишь глухие, мокрые хлопки и чувствовала взрывы боли, каждый из которых сотрясал всё моё тело. Мир поплыл, закружился, но я, стиснув зубы до скрежета, удерживала сознание, цепляясь за него из последних сил, лишь бы не доставить отцу удовольствия видеть, как я отключаюсь.

Я нервно, с истеричной, сдавленной ноткой, рассмеялась, давась кровью и пытаюсь отдышаться. Отец, тяжело дыша, отошёл на шаг, вытирая ладонь о брюки. Давление на плечи ослабло, и человек позади меня отступил в тень. Я заметила, что матери в комнате больше не было. Я даже не увидела, когда она ушла. В самый разгар, наверное, отвернулась и

тихо вышла, как всегда. Собрав всю волю в кулак, чувствуя, как всё тело дрожит от шока и адреналина, я медленно, с трудом поднялась. Кровь всё ещё текла из носа, но уже не так сильно.

Обернулась и увидела Игоря. Он стоял в дверном проеме, только что вернувшись. Это он держал меня. На его обычно каменном, невыразительном лице застыло нечто среднее между ужасом и отвращением — и я поняла, что это отвращение было направлено не ко мне, а к тому, что только что произошло, к этому животному насилию, к потере контроля. Он смотрел на мое избитое, окровавленное лицо, и в его глазах читалось неподдельное потрясение, почти растерянность. Казалось, Игорь что-то хотел сказать, но слова застряли у него в горле.

Я, пошатываясь, как пьяная, прошла мимо него в прихожую. В глазах всё ещё стояли чёрные круги, в ушах гудело. Схватив свою куртку с вешалки, я рывком открыла тяжёлую дверь — она поддалась с трудом — и выбежала на улицу, в холодные, тёмные объятия декабря. «Разговор», как всегда, был окончен, когда у отца заканчивались слова и начинались кулаки. Только в этот раз он начался с них почти сразу.

— Эва... — окликнул меня брат, выйдя следом.

Я обернулась. Он протягивал мой телефон. Лицо Игоря было бледным. Яхватила телефон из его руки, пальцы наши на секунду соприкоснулись, его были ледяными. Не проронив ни слова, не глядя ему в глаза, я бросилась прочь от

этого дома, от этих освещённых окон, по дорожке к ещё открытым воротам.

На улице уже полностью стемнело, небо было чёрным, беззвёздным. Покинуть территорию оказалось несложно — видимо, меня больше не хотели удерживать. Задание было «озвучено», сопротивление «наказано». Миссия выполнена. Я прошла за ворота, которые медленно сомкнулись за моей спиной, и очутилась на пустынной дороге, ведущей к шоссе. Включила телефон. Он загрузился. Я посмотрела на своё отражение через фронтальную камеру. Лицо было ужасным: левая щека распухла и покраснела, нос казался каким-то кривым, распухшим, а губа внизу была рассечена и опухла. Кровь вроде остановилась, но всё лицо, подбородок и шея были в бурых, засохших подтёках. Бледно-голубая кофта на груди и рукавах была безнадежно испорчена тёмными пятнами. Я выглядела как жертва серьёзного ДТП.

Дрожа от холода и шока, я отошла подальше от ворот и дрожащими, почти не слушающимися пальцами, набрала Софию.

— Привет. Ты уже отработала? — послышался её бодрый, жизнерадостный голос после второго гудка.

— Соф, ты дома? — перебила я её, стараясь говорить ровно, но голос всё равно вышел сдавленным, гнусавым от опухшего носа.

— Да, я уже час как дома. Мы сегодня с Лёшей... — она начала было делиться новостями, но тут же замолчала, уло-

вив что-то в моем тоне. — Эва? Ты в порядке?

— Лёша у тебя? — спросила я, игнорируя её вопрос.

— Э... да. А что? Что случилось? — её голос сразу стал серьёзным, настороженным.

— Он может меня забрать? Я не могу вызвать такси... я...

— Я понимала, что она подумает о деньгах, и постаралась говорить быстро, но связно.

— Да, конечно! Кидай адрес, — не стала спрашивать она, переключившись в режим тревоги.

Я сбросила вызов и отправила ей в мессенджере адрес перекрестка в паре километров отсюда, до которого можно было дойти минут за двадцать-тридцать. Там я и подожду Лёшу. Идти пешком больше часа до дома в таком виде, по тёмным, безлюдным улицам загородного поселка и промзоны, было бы чистым безумием. Да и сил не осталось.

Стоя у указанного адреса, на хорошо освещённом перекрёстке у придорожного кафе, я ждала знакомую машину, кутаясь в куртку и стараясь не привлекать внимания редких прохожих. Мне было мучительно совестно, что я отрываю Лёшу от Софии в канун праздника, в их собственный уютный вечер, но выбора не было. Наконец, через минут сорок, которые показались вечностью, я увидела подъезжающий серый Volkswagen Polo Лёши. Я узнала его по характерной царапине на крыле. Машина притормозила рядом. Я открыла пассажирскую дверь и забралась в тёплый салон, привычно пахнувший сосновым освежителем и печеньем.

Сев на сиденье, я повернулась к Лёше. Его обычно спокойное, доброе лицо с легкой щетиной исказилось от шока. Глаза расширились, брови взлетели вверх. Он замер, держа руки на руле, и несколько секунд просто смотрел на меня, не в силах вымолвить слово. Я попыталась слабо улыбнуться, но боль в распухшей губе заставила меня сморщиться и издать тихое шипение.

— Эва... Боже мой... Что случилось? Кто это..? — начал он, но голос сорвался на полуслове. Его взгляд метнулся от моего лица к окровавленной кофте, пальцы сжали руль так, что костяшки побелели.

— Поехали к Софе, пожалуйста, — выдохнула я, откидываясь на спинку сиденья и закрывая глаза. Больше не было сил ни на объяснения, ни на поддержание какой-либо маски.

Лёша не стал настаивать. Он резко включил передачу, и машина тронулась, плавно набирая скорость. В салоне стояла тяжёлая, гнетущая тишина, нарушаемая лишь шумом двигателя и свистом ветра за стеклом. Я чувствовала, как он украдкой, с тревогой поглядывает на меня через каждые несколько секунд. Его молчание было красноречивее любых вопросов. Он просто вёз меня и в этом была какая-то хрупкая, мужская надёжность.

Мы подъехали к дому, знакомой пятиэтажке в спальном районе. Лёша помог мне выйти — мои ноги всё ещё дрожали. Мы молча поднялись и вошли в квартиру. Я щёлкнула выключателем в коридоре, и мягкий свет наполнил малень-

кую, уютную прихожую с вешалкой, заваленной шарфами и куртками.

— Ну что вы так долго? Ехать-то всего... — из кухни навстречу нам, смеясь, вышла София, но, увидев моё лицо, она замерла на полуслове, её улыбка растаяла, как дым. Глаза расширились от ужаса, рука, державшая прихватку, медленно опустилась. — Эва... — её голос стал тонким, почти шепотом. — Что это..?

Я не ответила. Просто сняла куртку, с трудом наклонилась, чтобы натянуть свои тапочки. Лёша остался стоять рядом с онемевшей Софой, его лицо было каменным, но в глазах бушевала буря. Теперь, при ярком свете, они оба могли видеть всю картину: мое опухшее, изуродованное синяками и ссадинами лицо, залитую бурыми пятнами кофту. София не смогла сдержать лёгкий, сдавленный вскрик, прикрыв рот ладонью. Лёша молчал с какой-то бессильной яростью.

Софа опомнилась первой. Она резко шагнула ко мне, взяла за руку — осторожно, но твёрдо — и повела в ванную, бросив Лёше на ходу: «Лёш, займись чайником, пожалуйста. И... аптечку принеси». Дверь в ванную закрылась, оставив нас одних в маленьком, кафельном пространстве, освещённом слишком яркой лампой.

— Что это? — голос Софы, обычно такой уверенный и звонкий, теперь дрожал. Она пыталась говорить спокойно, но у неё не получалось, слова вылетали отрывисто. Она повернула меня к зеркалу, и я сама в полной мере увидела по-

следствия «беседы». Мне стало плохо от этого зрелища. — Эва, кто это сделал? Ты попала в аварию? Драку?

— Всё в порядке, правда, я просто... споткнулась, упала... — я начала было механически выдумывать отговорку, глядя в раковину, а не на отражение в зеркале.

— Эва, — Софа мягко, но с такой железной интонацией перебила меня, что я невольно подняла на неё глаза. Она взяла меня за подбородок, осторожно повернула лицо к свету. Её взгляд, полный боли, страха и требующий правды, не позволял лгать. — Гляди на меня и не ври. Ты у себя дома. Ты в безопасности. Кто?

Я закрыла глаза. Спротивляться не было сил. В этом маленьком, тёплом, пахнущем тропическим гелем для душа и зубной пастой пространстве, под пристальным, любящим взглядом Софы все стены, которые я выстраивала вокруг этой части своей жизни, рухнули.

— Отец, — коротко выдохнула я.

Это слово прозвучало как приговор, как признание в чём-то постыдном. Но я не могла скрывать от своей лучшей, пожалуй, единственной настоящей подруги правду о своей семье. Она и так уже видела старые, побледневшие шрамы на моём теле — следы от ремня за «неподобающее поведение» в детстве, — и догадывалась, что моё прошлое — не сахар.

София замерла на секунду. Потом её лицо исказилось от гнева — чистого, праведного гнева. Но она сдержала его, выдохнула и переключилась на действие.

— Ладно. Ладно. Сейчас будем разбираться. Сними это,
— она кивнула на окровавленную кофту.

Я послушно стянула её через голову, взвизгнув от боли, когда ткань задела разбитый нос. Кофта упала на пол жалким окровавленным комком. София, поморщившись, подняла её, свернула в полиэтиленовый пакет и выбросила в ведро. Потом включила тёплую воду, намочила мягкое полотенце и начала с невероятной нежностью смывать с моего лица засохшую кровь. Вода в раковине окрашивалась в розовый цвет. Софа молчала, сосредоточенно работая, лишь изредка цокая языком или вздыхая, когда видела особенно сильный синяк или ссадину. Потом достала из аптечки, которую просунула рука Лёши, перекись водорода, ватные диски, мазь от синяков.

— Похоже, нос не сломан, слава богу, но опухоль знатная,
— пробормотала Софа, проводя пальцами по переносице. Я вздрогнула. — Прости. Нужно обработать. Потерпи.

Она сделала всё быстро и профессионально. Обработала рассечённую губу, нанесла мазь на щеку, дала мне таблетку обезболивающего и стакан воды. Лицо выглядело немного лучше, чище, но последствия «беседы» с отцом были налицо во всей красе: фингал под левым глазом только начинал расцветать, щека была красной и опухшей, губа раздута. Я чувствовала себя разбитой и опустошённой, но уже не такой одинокой.

Переодевшись в чистую, мягкую домашнюю одежду —

старые спортивные штаны и большую футболку, — я устроилась на кровати в своей комнате. София вышла проводить Лёшу, сказав, что нам нужно побыть вдвоём, и пообещав, что завтра они увидятся на празднике. Я слышала их приглушённый разговор за дверью.

Вернувшись, она подошла ко мне, села на край кровати. Взяла мою руку в свои. Ладони у Софии были тёплыми, немного шершавыми от работы, и в их прикосновении была вся надёжность мира.

— Соф, прости, что испортила ваш вечер, — начала я, глядя на одеяло, — просто я не могла... я не знала, куда ещё идти...

— Даже не думай об этом, — она обняла меня, не давая договорить, и прижала к себе осторожно, чтобы не задеть больные места. Её объятие было крепким, настоящим. — Это твой дом. Ты это знаешь. — Она отодвинулась, посмотрела мне в глаза. — Расскажешь мне, что произошло? Если хочешь. Если нет — просто посидим.

И я рассказала. Не всё, конечно. Не про «просьбу» отца, про шпионаж. Это было слишком опасно и для меня, и для них. Но я рассказала про вызов, про визит домой, про «разговор», который закончился побоями. Про мать, которая смотрела и молчала. Про Игоря, который держал. Рассказала, сжимая кулаки под одеялом, глотая слёзы ярости и унижения. София слушала, не перебивая, лишь её глаза темнели, а губы плотно сжимались. Когда я закончила, она дол-

го молчала, а затем твёрдо произнесла:

— Ты не вернёшься туда. Никогда. Слышишь? Что бы ни было. Ты не одна.

Я кивнула, чувствуя, как наконец-то, сквозь онемение и боль, подступают слезы. Не истеричные, не от страха, а тихие слёзы облегчения. Я позволила им течь, уткнувшись лицом в плечо Софы. Она гладила меня по волосам, тихо что-то напевая — старую колыбельную, которую, наверное, пела ей в детстве её бабушка.

Боль понемногу отступала под действием таблетки и этого тепла. А в голове, сквозь туман усталости, уже начинала проклёвываться мысль, холодная и чёткая: что же мне теперь делать? Как жить дальше, зная, что отец не отступит? Что его «просьба» повисла в воздухе, и следующий «разговор» может быть ещё хуже?

Но это были мысли на завтра. А сегодня было тихо, тепло и безопасно. И это было главное.

Глава 7

Эва

Около одиннадцати часов утра дверь в мою комнату распахнулась. На пороге стояла Софа с Bluetooth-колонкой в руке, которая на всю громкость орала новогодний хит. Подруга пританцовывала и подпевала.

Я с трудом разлепила глаза, посмотрела на неё, потом накрыла подушкой голову, пытаясь заглушить шум. После ухода Лёши вчера мы с Софой проговорили почти до утра, и теперь каждая минута сна была на вес золота. Но сегодня, в новогоднюю ночь, спать всё равно никому не дадут. Эта мысль заставила меня задуматься: а где, собственно, будут все спать? Мозг, не готовый к такой нагрузке с утра, завис в тупике, и я просто отогнала эту мысль.

В этот момент Софа уже стащила с меня одеяло и, перебивая музыку, весело скомандовала:

— Встава-а-а-ай! Пошли готовить, нам нужно всё успеть. Ребята приедут к шести!

— Дай поспать ещё часок, — промычала я, пытаюсь укутаться в простыню.

Но на меня тут же прилетела стопка вещей. Я открыла гла-

за, пытаюсь понять, что это.

— Я полазила у тебя в шкафу и нашла, что тебе надеть!
— объявила Софа, выключив наконец музыку и усевшись ко мне на кровать.

Я посмотрела на вещи: бордовая обтягивающая футболка с глубоким вырезом.

— Соф, это футболка... — начала я, как бы напоминая ей о причине моего многолетнего табу на этот предмет гардероба.

— Да, я тут после вчерашнего подумала... — её голос вдруг стал менее уверенным, она смотрела в пол. — Тут будут не чужие люди, все свои. И я подумала, что, может, тебе стоит...

— Стоит что? — переспросила я, приподнимаясь на локте.

— Стоит... говорить больше правды? — будто задавая вопрос, посмотрела на меня София.

— И как я объясню это? — Я закатала правый рукав пижамы, обнажив толстый, уродливый багровый шрам, тянувшийся от запястья до локтя.

— А откуда он у тебя? — спросила София, глядя мне прямо в глаза.

— Ты же знаешь... — удивилась я.

— После чего у тебя этот шрам? — четко выговаривая слова, повторила она, явно намекая на что-то.

— После... аварии, — до меня наконец дошло, что она

имеет в виду.

Она знала, что шрам остался после того, как отец, в очередной раз выйдя из себя, сломал мне руку в трёх местах. И когда он вёз меня в больницу, мы попали в небольшую аварию. Несерьёзную, но именно эта травма была официально записана как последствие ДТП — так сказал отец врачам. Софа хотела, чтобы я перестала подбирать слова и врать. Чтобы я могла общаться с друзьями, не опасаясь сказать лишнего. Чтобы они знали хоть какую-то часть правды обо мне. Возможно, так мне действительно стало бы легче. Не нужно было бы выдумывать целую биографию, а можно было просто сказать: «У меня были сложные отношения с отцом». Всего одно предложение, которое снимет тонну напряжения. Но...

— Но, Соф, если идти такими темпами, то мне все свои шрамы и синяки придётся объяснять авариями, — этот аргумент прозвучал уже не так убедительно даже для меня самой.

— Эва, не думай о том, чего никогда не будет! — Софа вспыхнула. — Я не понимаю, почему ты не можешь просто сказать: «Это был мой отец». Что у вас были плохие отношения, что он... — она запнулась, поняв, что зашла слишком далеко, и резко замолчала.

— Он влиятельный человек, Соф, — спокойно, но твёрдо объяснила я. — Если я начну болтать, и это дойдёт до него, мне снова придётся иметь с ним дело. Ты же знаешь, я нико-

му не рассказываю о своей семье. А если кто-то узнаёт фамилию, у меня один ответ: «однофамильцы».

— Я помню... Просто мне жаль, — тихо сказала София. — Я хочу, чтобы ты спокойно могла общаться с друзьями, ничего не скрывая и не боясь. Я знаю, что ты, кроме меня, общаешься только со Стасом, и я правда ничего не говорила Лёше, можешь не переживать об эт...

— Ты можешь сказать ему, если захочешь, — перебила я её. — Или он может спросить меня сам. И... знаешь, я попробую. Попробую твою идею. И эту слишком яркую футболку я тоже надену, — уже смеясь, сказала я.

София улыбнулась и встала, но на пороге остановилась:

— Принести тональник? — тихо спросила она.

— Нет, не нужно. Ты же сказала, что здесь все свои... — так же тихо ответила я, и на моём лице появилась слабая, но искренняя улыбка.

К двум часам дня мы закончили с салатами и другими блюдами. В зале, который одновременно был комнатой Софы, мы заправили диван-кровать и перенесли кухонный стол. Кухня без стола выглядела непривычно пустой. Я прилегла на свою кровать, но через пять минут подошла к шкафу, чтобы достать черные джинсы.

В зеркале меня встретило бледное, уставшее лицо. На правой щеке красовался фиолетовый синяк. Нижняя губа была распухшей и тоже отливала синевой. «Ну и вид...», — с тоской подумала я.

Разглядывать свои повреждения мне помешал звонок телефона. Достав его из под подушки, я увидела незнакомый номер.

— Алло? — ответила я.

— Алло, Эва? Это Андрей, — произнёс смутно знакомый голос.

— Андрей... Привет. Прости за вчера, пожалуйста, я... — начала я оправдываться.

— Ничего, потом решим. Я вот чего звоню: ты же оставила все бумаги и ключи. Я их забрал. Но второго числа я приеду только днём. А тебе, наверное, нужно с утра, да? Может, я тогда привезу тебе бумаги и ключи? — предложил он.

— Было бы очень кстати. Высылаю адрес?

— Скинь, я подъеду.

Примерно через час раздался звонок в дверь. Софа его не услышала, она мыла посуду на кухне, снова включив свою музыку. Я провернула замок и открыла дверь.

На пороге стоял Андрей. Он уставился на моё лицо во все глаза, застыв в немом оцепенении.

— Заходи, не в подъезде же стоять, — попыталась я улыбнуться, но это только усилило его шок.

Андрей молча вошёл, закрыл за собой дверь, но продолжал стоять в коридоре, явно не зная, что сказать.

— Прости, пожалуйста, что переложила на тебя свою работу, — начала я первая. — Это была моя задача. Я скажу об этом Елене, она наверняка оплатит тебе этот день отдельно.

Андрей словно очнулся.

— Эва, что с тобой случилось?

— Это... долгая история. Но со мной всё в порядке, — уклончиво ответила я.

— То есть, не хочешь говорить, да? — спросил он, и в его глазах читалось неподдельное беспокойство.

— Прости, это правда слишком личное и долго объяснять, — сказала я, чувствуя укол вины. Сказать часть правды, как советовала Софа, было страшно, а придумать правдоподобную ложь — не хватало сил.

— Ладно. Но если захочешь поговорить — звони или пиши, мой номер теперь у тебя есть, — Андрей протянул мне папку с бумагами и связку ключей. — С наступающим тогда?

— И тебя тоже, — снова попыталась я улыбнуться.

Еще через час я сидела в своей комнате, уже переодевшись. У бордовой футболки действительно был слишком глубокий вырез для меня. Чёрные джинсы сидели идеально — мои любимые. На ногах красовались уютные тапочки с мордочками медвежат. Светлые волосы были распущены по плечам.

Я смотрела на свое отражение и снова задумалась о тональнике. Но взгляд упёрся в правую руку, в тот самый шрам. Все шрамы на моём теле были уродливыми и заметными. Отец никогда не заботился об эстетике или правильном лечении. Его знаменитое «Неважно, как выглядит, главное, чтобы быстро» было приговором для врачей. Меня вы-

писывали раньше срока, едва убедившись, что угрозы для жизни нет. «Не помирает — и ладно». Может, всё-таки попросить у Софы тональник и попробовать замазать это?

Меня отвлек скрип открывающейся двери. Я даже не заметила, как он вошёл — видимо, Софа открыла.

— Привет, — тихо произнёс Игорь, заходя в комнату и закрывая дверь за собой. На нём было чёрное пальто нараспашку, под которым виднелась серая водолазка и чёрные джинсы.

Его взгляд скользнул по моему лицу, а затем, почти машинально, переместился к шраму на руке. На его лице мелькнуло удивление — он давно не видел меня в одежде с короткими рукавами. Только в детстве.

— Привет, — сухо ответила я, чувствуя, как внутри всё сжимается.

— Я знаю, наверное, мне не стоило приезжать... нужно было дать тебе время. Но я должен кое-что тебе отдать. — Он достал из внутреннего кармана пальто тяжёлый чёрный предмет. Увидев дуло пистолета, хоть и смотрящее в пол, я инстинктивно отпрянула назад, уставившись на оружие в руке брата с ужасом.

— Что ты... — начала я, но Игорь резко меня перебил:

— У меня мало времени, и я не могу всё объяснить. Это — он показал на пистолет, — тебе.

— Мне это не нужно! — голос дрогнул, но я попыталась говорить твёрже.

— Эва, слушай, это для защиты. Отец не успокоится. Рано или поздно он снова к тебе придёт. Тебе не обязательно стрелять, это может быть просто угроза. Спрячь. Я покажу, как пользоваться. Иногда смогу возить тебя в заброшенный зал для тренировок, постараюсь...

— Я не смогу! — чётко проговорила я, подходя к нему вплотную и заглядывая в глаза.

— Я всё равно оставляю его у тебя, — так же твёрдо ответил Игорь. — И я всё равно научу тебя им пользоваться.

Я отошла и села на кровать, чувствуя себя побеждённой.

— Патроны вот, магазины здесь. — Игорь достал из другого кармана два снаряженных магазина и коробку с патронами и положил их рядом. — Это пистолет «Глок-19». Чтобы зарядить, вставь магазин в рукоятку до щелчка. Чтобы дослать патрон в патронник, дерни затвор на себя и отпусти. Вот здесь предохранитель, — он показал на небольшую кнопку на спусковом крючке. — Его не нужно снимать отдельно. Чтобы выстрелить... просто наведи и плавно нажми на спуск. — Закончив инструктаж, он положил пистолет на одеяло рядом со мной.

Я смотрела то на оружие, то на Игоря.

— Я не хочу всего этого.

— Я знаю. Но я пытаюсь тебя защитить. Спрячь его в лёгком и быстро доступном для тебя месте. Я позвоню. — Он развернулся и вышел, тихо прикрыв за собой дверь.

Я осталась сидеть на кровати, глядя на чёрный металл на

своём одеяле. Он выглядел чужеродно и зловеще. Дрожащей рукой я потянулась к нему. Пистолет оказался не таким тяжёлым, как я думала, но холодный и бездушный. Я обхватила рукоятку, палец лёг рядом со спусковым крючком. Сердце бешено колотилось в груди. Я резко отпустила его, словно обожглась, и вскочила с кровати. Подойдя к тумбочке, я открыла нижний ящик, сгребла пистолет, магазины и патроны и засунула их под стопку старых тетрадей. Захлопнув ящик, я сделала несколько глубоких вдохов. «Завтра, — пообещала я себе, — завтра я найду для этого более надёжное место».

Из коридора донеслись голоса. Видимо, приехал Лёша. Он всегда появлялся раньше. Я в последний раз взглянула на себя в зеркало, тяжело вздохнула и направилась к двери.

Открыв её, я чуть не уперлась в широкую мужскую спину в белой футболке.

— Соф? — окликнула я подругу.

Парень передо мной обернулся, и я увидела Дениса. На нём были простые джинсы и белая футболка, но мой взгляд сразу прилип к его лицу. Оно было таким же избитым, как и моё: рассечённая бровь, порез на скуле, синяк под глазом.

— Лёха подарил мне фотик мгновенной печати! — воскликнула Софа, размахивая камерой. — Помнишь, я говорила, как мечтала о таком?!

Лёха стоял рядом и улыбался, довольный удавшимся сюрпризом.

— Нужно его опробовать! — Софа навела камеру на нас.

— Эва, встань чуть правее, ближе к Дэну. Сейчас, только настройки сделаю.

Пока она возилась с камерой, я почувствовала, как Денис наклонился ко мне.

— Что у тебя с лицом? — тихо спросил он.

Я повернулась к нему. Он стоял слишком близко.

— Долгая история. А у тебя? — ответила я вопросом на вопрос, глядя на его рассечённую бровь.

— Тоже долгая, — буркнул он, отворачиваясь.

— Улыбочку! — скомандовала Софа.

Я попыталась изобразить подобие улыбки, но находиться рядом с Денисом было некомфортно. От него исходила какая-то тяжёлая, гнетущая энергия, от которой хотелось отодвинуться.

— Готово! Смотрите!

Мы медленно подошли к друзьям. Из камеры выползла прямоугольная фотография, и мы стали ждать, пока она проявится.

То, что я увидела, заставляло и смеяться, и плакать одновременно. Софа что-то напутала с настройками и выкрутила насыщенность красного цвета на максимум. В результате мой синяк, ссадины и рассечённая губа, а также порезы и гематомы Дениса залились на фото ярко-багровым цветом. Мы выглядели как зомби из голливудского хоррора.

Я не сдержалась и рассмеялась — громко и искренне. Софа, взглянув на фото, тоже поняла промах и залилась хохотом.

том.

— М-да, тебе нужно ещё потренироваться, — не сдержав улыбки, прокомментировал Лёха.

Я посмотрела на Дениса. Даже на его мрачном лице проступила лёгкая, едва заметная улыбка.

— Всё! — заявила Софа, отдышавшись. — Хватит смеяться! Пошли накрывать на стол!

Вот-вот должны были прийти остальные ребята. Мы уже перенесли все салаты на стол. Парни привезли алкоголь, который тоже теперь красовался среди угощений. Расставив тарелки с приборами, я направилась на кухню, которая по-прежнему пустовала из-за отсутствия стола и стульев. Остановившись у подоконника, я взяла сигареты. Закурив, приоткрыла окно, впуская морозный воздух. На улице уже стемнело. Позади послышались шаги.

— Фух, всё готово, — улыбаясь, заявила Софа и уселась на подоконник. Она уже успела переодеться: на ней была ярко-красная облегающая кофточка и голубые джинсы. Свои каштановые волосы она закрутила в красивые волны. А также не забыла про макияж, сделав акцент на губы — на них тоже была ярко-красная матовая помада.

Она тоже закурила.

— Слушай, а ребята потом по домам пойдут, что ли? Или

где мы все спать будем? — задала я подруге интересный вопрос.

— Ну, Диана не пьёт, поэтому они с Марком на машине. Кирилл, наверное, поедет с ними, тем более они не на ночь — вечером посидят, а праздновать в полночь будут с семьей. А Лёшу с Денисом мы где-нибудь да уложим, — посмеялась она.

Я снова посмотрела на свой шрам. Правда, было сложно отвести взгляд — он то и дело попадался на глаза.

— Лёша спросил у меня про шрам и про вчерашнее, но... — понизив голос, начала София. — Я сказала, чтобы спросил у тебя. Это правильнее.

— Он не спросит, — усмехнулась я. — Но думаю, что ты права. Близким я могу рассказать правду. Ну, или своему кругу общения, судя по всему, — продолжила я, намекая на ребят, с которыми мы собрались справлять Новый год.

— В этом нет ничего такого. Кто-то не стесняется рассказывать о своих любовных похождениях, а ты боишься рассказать о части своей жизни, — парировала она.

— О прошлом, — уверенно поправила я.

Подруга улыбнулась. Её зеленые глаза снова посмотрели на меня:

— Тем более. Прошрое в прошлом, — мягко сказала она. — Подумай об этом. Я знаю, что тебе тяжело всё держать в себе и постоянно об этом думать, но никто же тебя не осудит. Просто потому, что не за что. Это твои страхи, которые у

тебя в голове. Дружба для того и существует, чтобы ты могла с кем-то поговорить и чтобы ты могла кого-то выслушать в ответ, — закончила Софа, говоря, в общем-то, очевидные вещи, но иногда нам всем нужно это услышать.

— Спасибо за то, что ты есть, — улыбнулась.

Подруга ответила на мою улыбку и, спрыгнув с подоконника, пошла в комнату. Внутри стало чуточку легче, когда я представила, что просто скажу о своём прошлом трагичную, но такую важную правду: «У меня было насилие в семье».

Наконец все приехали. Мы уселись за стол. Диана, девочка с нашего курса, была милой. Её короткое русое каре было аккуратно уложено. Марк, её парень, сидевший рядом, вроде был неплохим человеком. Слева от них сидел Кирилл. Он явно выделялся. Его короткие тёмные волосы тоже были уложены, карие глаза улыбались. Он был чуть ли не в официальном костюме; от строгого вида спасал только снятый пиджак. Честно говоря, вспоминая нашу прошлую встречу, на которой он дал понять, «кто он такой», мне было неуютно от того, что я тут одна без отношений. И об этом, естественно, все знали. Поэтому я изначально заняла место подальше. Справа от меня сидел Стас. Он был в обычных чёрных джинсах и серой кофте. Слева от меня уселся Денис, а рядом с ним — как раз Софа с Лёшей. Лёша был в своих излюбленных спортивных штанах и простой чёрной футболке. Он разлил всем шампанского, а Диане — сок. И когда все стали тянуться, чтобы чокнуться, Кирилл резко сказал:

— Эй, Эва, что у тебя на руке? — Все остановились с вытянутыми бокалами и уставились на меня, переводя взгляд с руки на лицо.

— Это шрам... — начала я, чувствуя, как вся горю от стыда. — После аварии, — я бросила взгляд на Софу. Она тоже не ожидала такой ситуации. Если я и хотела сказать правду про мою семью, то точно не вот так.

— А почему он такой? Ну... в плане... — начал подбирать слова Кирилл.

— Уродливый? — закончила за него я, усмехнувшись ситуации.

— Эва, давай... — попыталась сказать что-то Софа, видимо, чтобы исправить ситуацию, но я её перебила.

— Он такой, потому что мой отец не хотел, чтобы меня долго держали в больнице. У врачей не было выбора. Им нужно было сделать всё быстро, а сделать так, чтобы шрам был менее заметен, — дело кропотливое, на что, естественно, у врачей не было времени, — быстро и холодно выпалила я.

Я сказала правду, как и хотела Софа, как начала хотеть я. Но внутри было противно. Противно от этой ситуации. Все молчали.

Я понимала, что им нечего сказать. Поэтому, чтобы хоть как-то исправить настроение, — и им, и себе — я встала из-за стола, захватила бокал с шампанским и направилась к себе в комнату.

Я просидела в комнате около часа, представляя, как будет некомфортно возвращаться к ребятам. Но, собравшись с мыслями и силами, я вышла. Идя по коридору, я услышала весёлые голоса, которым вторила негромкая фоновая музыка. Остановившись на пороге, я увидела, как все головы повернулись в мою сторону.

— Шампанское давно закончилось, — показав на свой пустой бокал, произнесла я и прошла к столу.

Ребята улыбнулись. Наполнив бокал, я стала слушать. Софа что-то рассказывала Диане про какой-то блог о косметике. Парни обсуждали ремонт машины Лёши. Стас придвинулся ко мне поближе:

— Ты как? — спросил он.

— Нормально, правда, — улыбнулась я парню. — Лучше расскажи, как там у тебя жизнь продвигается? — с явным намеком на отношения спросила я. Мы всегда шутили на эту тему.

Стас улыбнулся:

— Знаешь, я бы мог ответить как всегда, но... — сделал паузу он, и я замерла. — Есть одна девушка... — продолжил он.

— Что-о?! И я до сих пор об этом не знаю?! — воскликнула я. — А ну, быстро рассказывай! — сделав серьёзный взгляд, потребовала я.

Спустя ещё час я уже знала имя девушки, которая понравилась Стасу, знала, где он её заметил, и знала, какие у них

сейчас взаимоотношения.

— Ну и почему ты не зовёшь её куда-нибудь? Хоть проводи после работы? В чём проблема? — допытывалась я.

— Да как-то всё не получается, не складывается что ли... — просто ответил Стас.

— Отговорки! — перебила я. — Вот, например, ты можешь ей написать, узнать, как она провела Новый год, спросить, что она делала, соответствовало ли это её планам... Можно же просто предложить встретиться, пообщаться. Если она откажется, попробуй чуть позже. Главное — узнавай её. Узнавай, что ей нравится. Или просто встретить её после работы, объяснив, что хотел пообщаться и узнать, как у неё дела. Да вариантов множество! — продолжала тараторить я.

— Ладно, ладно, я понял! — смеясь, произнёс Стас.

— Нет, ты не понял! Я же вижу, что... — не успела я договорить, как парни отвлекли Стаса, спрашивая его мнения насчёт какой-то детали в машине.

Я поставила бокал на стол и направилась на кухню — освежиться и покурить. Было атмосферно: с улицы лился свет фонарей, в окнах горели гирлянды. Я приоткрыла окно.

— Эй.

Я обернулась и увидела подходящего ко мне Кирилла. Он немного пошатывался — видимо, слишком много и быстро выпил. Иначе я не могла объяснить его состояние; все остальные ребята выглядели и чувствовали себя нормально.

— Ты обижаешься на меня, да? — подойдя, произнёс он.

Он правда был нетрезв, но возникал вопрос: как так быстро?

— Не обижаюсь, — ответила я, отвернувшись к окну. Это была правда. Как можно обижаться на глупого человека? Умный бы не задал такой вопрос, по крайней мере, не так. Я не обижалась, но, честно говоря, злилась. Приятного в ситуации было мало.

— Ой, ну а чего такая злая-то? — произнёс он, подходя ближе и облакачиваясь на подоконник.

— Всё нормально, — попыталась сказать спокойно я.

— Ну ла-а-адно, верю, — протянул он и опустил руку на моё плечо. Я замерла.

— У тебя же нет парня, да? — Я хотела было ответить, что это не его дело, но он продолжил: — Я помню тебя ещё с прошлого года, на днюхе Лёхи. Сидела вся такая скромная, стеснялась, как девственница, — засмеялся он, видимо, полагая, что сказал самую смешную шутку.

Я начала отодвигаться, но он сжал моё плечо сильнее.

— А тут вон какая, — прямо заглядывая в вырез моей футболки, сказал он. У меня глаза на лоб полезли от такой наглости!

— Отпусти, — грубо потребовала я.

— Да ну чё ты, давай пообщаемся, — всё так же продолжал Кирилл. Он явно был не в адеквате.

Я снова попыталась вырваться.

— Да ну чё ты ломаешься-то, а? Что за девки пошли, строят из себя не пойми кого, — бормотал он чуть ли не сам с

собой.

— Софа! — крикнула я.

— Ой, ты чё кричишь? Уши щас завянут, или как там говорится... — уже очевидную чушь нёс он.

— София! — снова крикнула я.

Но Кирилл развернул меня к себе и прижал к подоконнику. Мои руки рефлекторно упёрлись ему в живот, просто чтобы сохранить дистанцию.

— Вот правда, не люблю, когда бабы так орут. Нужно же нежнее к парням быть, что ли... — он вдавил меня в подоконник ещё сильнее.

— Да пошёл ты, отпусти меня! — уже почти крича, грубо произнесла я.

Кирилл тряхнул меня, а по затылку разлилась боль. Стекло за спиной зазвенело. Он. Ударил. Меня.

— Эй, что происходит, а? — это был Лёша.

Я обернулась в сторону коридора. Рядом с Лёшей стояли Денис и Стас. Позади них маячили и остальные.

— Да ничё, общаемся, — в той же манере проговорил Кирилл.

Леша щёлкнул выключателем. Его лицо было серьёзным. Я дотронулась до затылка, посмотрела на свои пальцы, всё ещё пребывая немного в шоке.

— Это что сейчас было? — подошёл Стас.

В этот момент Лёша уже стоял вплотную к Кириллу. Он резко повернулся и кому-то кивнул. После этого Лёша на-

бросился на Кирилла. Сзади подбежали Стас и Денис. Леша повалил парня, в то время как Стас и Денис фиксировали Кириллу руки. Что вообще происходит?

Когда Кирилла скрутили, я подошла ближе, как и остальные ребята. Кирилл был неожиданно спокоен. Стас медленно поднялся и сказал:

— Скорее всего, он курил какую-то дрянь перед тем, как прийти. Видимо, эффект появился позже из-за алкоголя. Нужно отвезти его в больницу. Пусть там с ним делают, что положено.

Все замолчали. Не пила только Диана, поэтому Марку и ей пришлось ехать в больницу; с ними поехал и Стас — видимо, для сдерживания Кирилла.

Время близилось к девяти вечера. Не такого я явно ожидала. Диана с Марком, естественно, не стали возвращаться, поехав сразу к семье. Мне было очень неудобно перед ними. Стас позвонил:

— Его переведут в наркологию.

— А ты как приедешь? Такси, наверное, сейчас слишком дорогое...

— Я тут подумал. Я не поеду обратно к вам. Попробую позвонить Кристине, — это была та самая девушка, — а дальше видно будет.

— Хорошо, если что, пиши, — напоследок проговорила я.

Я сидела за опустевшим столом. Парни убрали лишние стулья. Мы с Софой до этого отнесли всю ненужную посуду

в раковину. Вот тебе и Новый год...

Спустя два часа разговоров ни о чём и поедания салатов, я поднялась из-за стола, захватив бокал. Софа сидела рядом со мной, а напротив — Лёша с Денисом. Все уставились на меня.

— Я покурить, — сказала я.

Услышав в ответ тишину, я попыталась пошутить:

— Сейчас-то там нет Кирилла, а я так нормально и не покурила, — улыбнулась я.

Но никто не оценил шутку.

— Да господи, всё нормально, что, в первый раз что ли?.. — вдруг я замолкла, прикрыла глаза и сказала: — Давайте забудем. И так всё испорчено, — бросила я и пошла по коридору к своей цели.

Поставив бокал на подоконник, я достала сигарету и закурила. Свет я не включала — тогда насладиться атмосферой не удалось, но сейчас было спокойно. Боковым зрением я заметила движение. Чуть повернув голову, я увидела Дениса. Он молча закурил, остановившись рядом. Я не спешила что-то говорить. Я его почти не знала.

— Твоя подруга переживает за тебя, — сухо констатировал парень.

— Не о чем переживать. Сама виновата, — ответила я.

— В плане? — пристально посмотрел на меня Денис.

— Этого всего могло не быть, надень я обычную кофту, а не эту долбанную футболку, — усмехнулась я.

— Ой, обычная футболка. Многие девчонки и похлеще одеваются — в топы, где даже фантазировать не надо, и так все напоказ, — скривился он.

Я промолчала, сделав глоток шампанского.

— Или ты насчёт шрама? — спокойно спросил парень. Я посмотрела на него, снова обратив внимание на его немного побитое лицо.

— И это тоже, — просто ответила я.

— Почему ты соврала? — я нахмурилась от его слов.

— Не поняла, в смысле «соврала»? — переспросила я.

— У тебя на лице было написано «я пытаюсь что-то придумать», — усмехнулся Денис.

— Авария была, — чётко проговорила я, глядя на парня.

— Но шрам-то не из-за нее. Травма не из-за нее, — все так же улыбаясь, видимо, будучи уверенным, что я вру, сказал Денис.

Я отвернулась, снова глядя в окно.

— Мой отец... — начала я, но остановилась. Сделав пару вдохов, я продолжила: — Моему отцу я не нравилась. Любое неповиновение или отклонение от правил — и я получала наказание... — в ушах зазвенело. — Иногда он слишком увлекался, как и в тот раз. Я защищала лицо рукой, и это привело к тому, что он, видимо, не рассчитав силу, сломал мне её в нескольких местах... — в отражении я увидела, что Денис повернулся ко мне и пристально всматривается мне в лицо, но я продолжила: — Это была не единствен-

ная травма в тот день. У меня было сломано ещё и бедро... — я попыталась улыбнуться этому горькому воспоминанию. — Я периодами теряла сознание от боли, пока он не торопясь вёз меня в больницу. ДТП было, но оно не серьёзное. Но это было отцу на руку. Он ждал ГАИ и «скорую», пока я держалась за реальность. Меня забрала «скорая», сделали операции. Как я и сказала тогда, отец не давал врачам делать свою работу качественно. Он имел деньги и власть, чтобы работники и администрация больницы подчинились. Поэтому, спустя несколько дней меня выписали. Всё было загипсовано, а я не могла ходить. Нужна была долгая реабилитация, нужно было учиться ходить заново. Мне тогда было пятнадцать. Спустя время родители «сжалились» надо мной. Мой брат убедил их отправить меня в частную школу-интернат, где параллельно шло восстановление. Шрамы, естественно, уже никак не могли исправить, — проговорила я уже тише.

— А твоя мать? — так же тихо спросил Денис.

Я повернулась к нему. В его глазах не было холодности. Ему было интересно.

Набравшись смелости, я сказала:

— Она любила его. Подчинялась ему. Но любила и меня. Поэтому отпустила меня из дома, когда застучала меня на попытке сбежать, — алкоголь неплохо добавлял уверенности.

Мы молчали.

— Прости, не нужно было этого говорить, — выдавила я.

— Я никому не рассказываю, знает только София. Вчера она мне сказала, что в этом нет ничего такого, и я не должна бояться сказать правду. Но это всё слишком странно. Я пыталась кому-то говорить, но люди считали меня... У всех свои проблемы, — закончила я. Взяв бокал, я уже было направилась прочь.

Денис чуть переместился, встав передо мной.

— А твоё лицо? — вдруг спросил он. — Тоже отец?

— Э... да, — ответила я.

— И почему ты, например, заявление на него не написала? — он продолжал тему, что было мне непонятно.

— У него есть деньги и власть, — повторила я.

— И ты с этим ничего не сделала? Наверняка же есть люди с большими деньгами, — видимо, размышлял вслух парень.

— Я хотела просто жить. Забыть про всё это.

— Лёша думал, что тебя обокрали, — вдруг произнёс Денис.

— Мне жаль, что так получилось, — ответила я.

В коридоре послышались шаги.

— Эй, Эванс, ты чего так долго? Пошли за стол, скоро уже полночь, — проговорила София.

— Ты Эванс? — чуть удивлённо прошептал парень.

Я посмотрела на него. Раз уж я ему и так много рассказала, то этот факт скрывать не было смысла. Я просто кивнула.

Я обошла Дениса, который смотрел то на меня, то на Софу.

— Я только надену кофту и подойду, — сказала я, проходя в свою комнату.

Глава 8

Денис

Мне было одиннадцать, когда отец объявил за завтраком, что мы едем в гости к его другу. Не к соседу или коллеге по гаражу, а к другу. У отца, человека сурового и немногословного, чья жизнь была чётко разделена на семью и работу, друзей почти не водилось. Поэтому его слова прозвучали как нечто из ряда вон выходящее.

Мы уселись в наш просторный, цвета мокрого асфальта, минивэн. Солнце того июльского дня било в лобовое стекло, заставляя отца щуриться. Я почему-то запомнил, что был в новых кроссовках — белых, с синими полосками. Мама подарила их за хорошее окончание пятого класса, а точнее, за то, что я не принес в дневнике ни единой записи о драке или замечания, несмотря на все сложности переходного возраста. Я был отличником, и эта награда — не просто обувь, а знак того, что они видят мои старания — была мне особенно дорога. Я старался не пачкать подошву о коврик.

Мама сидела на переднем сиденье, откинув голову на подголовник. Ее короткая, будто высеченная из темного янтаря стрижка, как всегда, была безупречна. Всю дорогу

она тихонько напевала мелодию, звучащую по радио — какую-то старую лирическую песню о любви. Отец, то и дело бросал на неё редкие взгляды, улыбаясь уголками губ — редкая, почти домашняя, мягкая улыбка. Любящие друг друга родители. Картина, от которой в груди становилось тепло и спокойно. Не у всех есть такое. Я знал это даже в свои одиннадцать, глядя на одноклассников с их вечно занятыми или ссорящимися родителями. Мой брат Андрей, сидевший слева от меня, уткнулся лбом в прохладное стекло и дулся, рисуя на запотевшем участке неразборчивые загогулины. Ему не купили обещанный телефон из-за двойки по математике, которую он принёс в последний день четверти. Уговор был уговором, отец в таких вещах не отступал. Андрей копил обиду, тихую и упрямую.

Час в дороге пролетел незаметно. Мы свернули с трассы, потом ещё раз, и въехали в тихий коттеджный посёлок, где дома стояли не вплотную, а с достоинством, за высокими заборами. Мы подъехали к большому двухэтажному дому серого цвета, скорее даже стального, с огромными панорамными окнами. Для восприятия ребёнка, выросшего в панельной девятиэтажке, он казался настоящим замком из фантастического фильма. Автоматические ворота, тяжёлые, кованые, с изящным узором, медленно, со скрежетом и гулом, распахнулись, впуская нас внутрь. Я, как и брат минуту назад, прилип к окну, стараясь всё рассмотреть: идеальный газон, подстриженные кусты в виде шаров, вымо-

ценные булыжником дорожки, ведущие вглубь сада, и даже маленький фонтан с каменной чашей. Это был иной мир.

Машина остановилась на гравийной площадке у парадного входа. Я осторожно открыл дверь и вышел на улицу. Июльская духота, густая и сладкая от запаха нагретой хвои и цветущих где-то вдали лип, обволокла меня, как ватное одеяло. Воздух звенел от стрекотни кузнечиков. Пока я разглядывал аккуратные, будто вычерченные по линейке, дорожки в саду, вся семья уже вышла из машины. Отец поправил воротник рубашки, мама провела рукой по волосам — бессознательные жесты легкого напряжения.

Мы направились к дому, но родители замерли у крыльца из тёмного полированного камня. Причина стала ясна мгновенно. С заднего двора, по извилистой садовой дорожке, бежала маленькая фигурка. Девочка лет шести, не больше. На её тонких, как у цапли, ножках были ярко-розовые сланцы, шлепавшие по плитке, и простые белые шорты, а сверху — нежно-розовая маечка с каким-то мультяшным принтом, уже плохо различимым. Снежно-белые, почти платиновые волосы были заплетены в две нетугие, уже расплзающиеся косы. Она бежала, оглядываясь назад с озорным, испуганно-восторженным смехом, но, заметив нас, знакомых людей, резко остановилась, будто врезалась в стекло. Глаза, огромные и синие, как васильки, широко раскрылись от удивления и смущения.

В этот момент тяжёлая дубовая дверь дома открылась

беззвучно, на хорошо смазанных петлях. На пороге появилась серьёзный, подтянутый мужчина лет тридцати пяти. Тёмные, почти чёрные брюки, безупречно белая рубашка с закатанными до локтей рукавами, открывавшими крепкие, жилистые предплечья. Лицо было строгим, с жёсткой линией скул, но в уголках глаз лежала сеточка морщин — может, от смеха, а может, от постоянного напряжения. За ним вышла женщина, высокая и стройная, с короткими светлыми, почти серебряными волосами, уложенными в простую, но элегантную причёску. На ней было лёгкое бирюзовое платье в мелкий цветочек, выгядевшее простым и дорогим одновременно. Мои родители двинулись им навстречу, и воздух наполнился сдержанными, деловыми радостными восклицаниями, обменом крепкими рукопожатиями и легкими, невесомыми объятиями — как между людьми, которые уважают друг друга, но не позволяют себе лишней фамильярности. Мы с братом так и остались в стороне, два островка детского непонимания в этом потоке взрослых ритуалов.

Я перевел взгляд на сад и увидел, что ту самую девочку за руку, крепко и властно, держала молодая женщина в строгом тёмно-синем платье и белом фартуке. Я сразу безошибочно понял, что это няня — на ней была такая же униформа, как у нашей, которая появилась у нас в прошлом году, когда отец стал больше работать и пропадать, а мама поступила на курсы. Девочка уже не смеялась, а смотрела

на няню снизу вверх, что-то тихо и упрямо повторяя.

И тут из дома, словно вихрь, выбежал светловолосый паренек. Лет десяти-одиннадцати, в серой футболке с каким-то логотипом и тёмных, похожих на джинсы, брюках. Он резко затормозил, увидев нас, отдышался, сглатывая воздух, и, приняв максимально деловой, важный вид, подошёл к нашим родителям, явно копируя отцовскую манеру держаться.

Парень, мой ровесник, с серьёзным, сосредоточенным видом протянул руку моему отцу:

— Здравствуйте! Меня зовут Игорь Эванс.

Его голос прозвучал чуть выше, чем он, вероятно, хотел, но твёрдо. Все взрослые улыбнулись этой трогательной, наигранной взрослой серьёзности. Улыбки были добрыми, тёплыми. Кроме нас с Андреем. Андрей фыркнул, а я просто наблюдал, заинтригованный.

Мой отец, с лёгкой, одобрительной усмешкой в глазах, пожал его руку так же крепко и уважительно, как и руку взрослого мужчины.

— Приятно познакомиться, Игорь. Меня зовут Сергей Мерцов. — Затем он по-доброму, чуть грубовато потрепал мальчика по коротко остриженным светлым волосам. Искусственная важность, как маска, мгновенно спала с лица Игоря, сменившись смущённой, но до краев довольной улыбкой. Он явно поймал себя на том, что его приняли всерьёз.

— Мальчишки, вы чего стоите? Проходите уже в дом,

не стесняйтесь! — окликнула нас улыбающаяся мама, и вся компания, продолжая обмениваться фразами, двинулась внутрь в прохладный, пахнущий свежестью и дорогим деревом полумрак холла.

Я стоял посреди чужой, уютной и такой обыденной кухни, и в голове не укладывалось простая, оглушительная истина: Эва. Эванс. Мы знали, разумеется, что у старика Эванса есть сын и дочь. Информация собиралась по крупицам, как всегда: слухи, обрывочные данные, случайные упоминания. Но сведений о девочке было ничтожно мало — лишь приблизительный возраст, цвет волос и глаз, да и то не точно. О брате мы знали чуть больше — имя, примерный круг интересов, но его фотографий в открытом доступе не было, их тщательно вычищали. Отец оберегал семью от посторонних глаз. Теперь-то я понял, почему тот парень, приходивший к Эве в первый мой визит — тот самый Игорь, — так пристально, почти изучающе на меня уставился. Мои-то фото, фотографии сына Сергея Мерцова, пусть и не самого публичного человека, найти было проще простого. И семейная история, которой Эва со мной поделилась, — об отце, о запретах, о страхе — обрела новые, пугающие, кристально ясные очертания. Это был не просто рассказ о строгом родителе. Это был пазл, и я только что вставил в него центральную деталь.

Только вчера поздно ночью, на рассвете, я вернулся домой. Совсем без сил, с тяжестью в каждой мышце и странной пустотой за грудной костью, которая появляется после адреналина, когда он уходит, не оставляя взамен ничего, кроме усталости. Тогда-то Лёша и выловил момент, чтобы узнать, как у меня все прошло. Лёша знал обо мне слишком много, но я мог ему доверять безгранично, как доверяют лишь тому, кто не раз прикрывал твою спину под огнём. Наша дружба тянулась еще со школьной скамьи, с тех пор, когда все проблемы решались кулаками за гаражами, а главным богатством была свобода до позднего вечера. Уже в институте, наблюдая за моими странными «подработками», внезапными отлучками и новыми, необъяснимыми для простого студента, навыками, он начал понимать, что «бизнес» моей семьи непрост. Он видел мои исчезновения на неделю, странные звонки, на которые я выходил в другую комнату, и шрамы, которые не появляются на ровном месте от падения с велосипеда. И вместо того, чтобы отступить, испугаться, сделать вид, что не замечает, он стал моим щитом в обычной жизни. Лёша покрывал меня перед преподавателями, придумывал правдоподобные, детализированные отмазки для общих знакомых, а однажды, когда дело запахло жареным по-настоящему и мне нужна была пара глаз и рук, которым я мог верить, поехал со мной. Его умение разбираться в любой технике — от капризных автомобильных двигателей до сложной подслушивающей электроники — оказалось как нель-

зя кстати. С оружием у него тоже проблем не возникло — холодный, почти математический расчёт и твёрдая, не дрогнувшая в нужный момент рука делали его надёжным тылом. После этого я перестал что-либо скрывать. Он прошёл через огонь и воду рядом со мной, видел слишком много, чтобы я мог или хотел его подвести. Он был моей единственной нитью в ту, другую, нормальную жизнь.

Если она была у родителей вчера, сразу после нашего задания, значит, старик Эванс уже готовил ответный ход, сводил концы с концами. Тогда, двое суток назад, выяснилось, что данные о предстоящей крупной сделке с «VIP-клиентом» утекли. Наши хакеры, конечно, отработали на совесть, вычислили IP, нашли слабое звено в цепи, но результат нас не обрадовал, а насторожил. Всё было слишком очевидно. Координаты источника взлома были как на ладони — старый заброшенный склад, о котором даже бомжи забыли. Слишком быстро, слишком легко, будто нам специально подсунули эту ниточку. Но выбора не было — игнорировать утечку нельзя. Мы выдвинулись на место небольшой, проверенной группой.

Дорога заняла почти сутки, с учётом подготовки и объездов. Пока мы добрались до указанного адреса, опустилась ночь, команда уже была измотана дорогой и нервным ожиданием, но медлить было нельзя. Взломав ржавую, но все ещё крепкую железную дверь, мы с первых секунд поняли, почему все было так просто. Нас ждали. Группа вооруженных лю-

дей, человек на десять больше нас, заняла оборону внутри. Но их «оборона» была похожа на постановку плохого боевика. Ликвидировать их было несложно — большинство выглядели слишком молодыми, необстрелянными, будто впервые держали в руках автоматы, купленные на чёрном рынке. У нас не было выбора: они стреляли. Мы попытались допросить пару «языков», оставшихся в живых, но они, словно впервые видя настоящее оружие и кровь, тряслись от животного страха и лишь бессвязно молили о быстрой смерти, не в силах выдать ничего внятного. Что ж, они знали, куда их послали и на что. Следующий день ушел на «зачистку», уничтожение следов, и ещё один — на дорогу назад, молчаливую, каждый наедине со своими мыслями. Утечку мы, конечно, остановили, усилив защиту, но осадочек остался тяжёлый. Это была не победа, а ловушка, в которую мы едва не попались с головой. Нас хотели задержать, отвлечь, возможно, даже потрепать, но не уничтожить. Предупреждение. Или тест.

И теперь, глядя на эту самую Эву Эванс, я снова вернулся к детскому воспоминанию, пытаюсь выудить из памяти чёткий образ той маленькой, испуганной девочки с белыми косами. Что ж, выходит, эта Эва с её тихим голосом, шрамами не так проста, как пытается казаться. Хочет она того или нет, она вписана в дела своей семьи кровью и родством. Если не напрямую, то через брата, у которого, я был уверен, язык не дурак, и который явно что-то знает или догадыва-

ется. Она — слабое место, точка доступа. Нужно будет при-смотреться к ней повнимательнее. Она может стать ключом, лазейкой в хорошо охраняемую крепость под названием «семья Эванс». Что, если я попробую войти к ней в доверие? Ситуация складывается почти идеально, сама судьба подталкивает: мой друг, как нарочно, всерьёз увлётся Софией, её лучшей и, кажется, единственной подругой. Раньше я отмахивался от его настойчивых предложений посидеть вчетвером, съездить куда-нибудь, предпочитая тренировки, одиночество или дела, но сейчас... Согласиться — это же логично? Естественное развитие событий. И не вызовет подозрений ни у кого, даже у бдительного Игоря.

Можно, конечно, попытаться разыграть измученную романтикой историю «любви с первого взгляда», но это провальная, детская идея. С её-то семейными травмами, с её стенами, которые она возвела вокруг себя, она вряд ли бросится в объятия первому встречному красивому парню. Слишком осторожна. А вот стать «другом парня её подруги», сначала просто знакомым, потом — своим человеком в их маленькой компании — куда естественнее, безопаснее для Эвы. Возможно, получится притвориться и её другом, раз уж она рассказала мне что-то личное, сокровенное. Я ведь слышал, как она учила того несчастного Стаса на кухне: «Узнавай ее, спроси, как дела, что нравится». Наивная, но работающая тактика. Нужно просто действовать по её же схеме, но с чёткой целью: надавить на больные темы, аккуратно, коп-

нуть глубже в травмы и комплексы. А комплексы у неё точно есть, они лежат на поверхности. Уверенная в себе, цельная девушка не стала бы так переживать из-за мнения окружающих, из-за шрамов, из-за своей одежды, не пряталась бы в балахонах. Она сама сказала, что продолжает всё скрывать. В этом и есть её уязвимость. Или... возможно, я усложняю? Может, проще будет просто установить слежку, прослушку? Ведь если она что-то скрывает, если она в курсе дел семьи или является их невольной хранительницей, рано или поздно это проявится в разговорах, звонках, действиях. Нужно лишь терпение и возможность быть рядом, чтобы это заметить. А возможность как раз предоставляется.

Мой поток мыслей, тёмный и извилистый, прервал резкий голос Лёши:

— Эй, Дэн. Вставай, отключился совсем!

Я обернулся, моргнув, как будто вынырнул из глубокой воды. Все стояли вокруг стола с бокалами в руках и смотрели на меня. Я выглядел полным идиотом, единственным, кто пропустил момент всеобщего ожидания.

Я поднялся, торопливо протянув свой бокал, который кто-то предусмотрительно вручил мне ещё минуту назад. Начался размеренный, торжественный бой курантов, знакомый до боли с детства. Сначала все считали тихо, каждый про себя, а потом, как по команде, когда до нуля оставались секунды, хором, с улыбками крикнули:

— Три...

— Два...

— Один!

— С Новым годом!

Звон хрусталя, смех, первые, неловкие объятия. Я чокнулся с Лёшей, потом с Софией. Эва стояла чуть в стороне, улыбаясь сдержанно, и я просто кивнул ей, подняв бокал. Она ответила тем же. Её взгляд скользнул по мне быстро, оценивающе, будто она тоже что-то вычисляла.

Через полчаса мы стояли во дворе, за домом. Воздух был морозным, колючим, и снег хрустел под ногами, как чистый сахар. С Лёшей мы возились, устанавливая в сугроб принесенную им пиротехнику — несколько мощных римских свечей и небольшую батарею салютов. Девчонки стояли поодаль, кутаясь в пуховики и ожидая результата, их лица были раскрасневшимися от мороза и выпивки. Проковырявшись с капризным, сыроватым фитилем минут пять, мы наконец-то подожгли его. Синяя искра побежала по шнуру. Мы с Лёшей бросились прочь от дымящейся конструкции к девушкам, смеясь и поскальзываясь.

Подбегая, я наступил на скрытую под снегом обледенелую кочку. Чуть проскользив, я задел ногой Эву, которая как раз сделала шаг назад, из-за чего грохнулся на спину сам, а она, потеряв равновесие, инстинктивно вцепилась в рукав Софии и потянула её за собой, так что все трое в смешной, нелепой куче рухнули в мягкий, холодный снег.

В этот самый момент салют с резким, оглушительным хлопком ударил в небо, рассыпавшись над нами ослепительным, разноцветным звездопадом. Зелёные, красные, золотые шары распускались в тишине зимней ночи с нежным шипением, освещая всё вокруг призрачным, мерцающим светом. Лёша, глядя на нашу распластанную на снегу троицу, залился искренним, громким смехом. Первой его подхватила София, выбираясь из-под Эвы и отряхивая снег с капюшона. Затем, еле слышно, смущённо, рассмеялась и сама Эва, всё ещё лёжа на спине.

Я приподнялся, усевшись на снегу, чувствуя холодную влагу, просачивающуюся сквозь джинсы. Повернул голову и увидел, что Эва не торопится вставать. Она лежала, улыбаясь уже свободнее, и смотрела в небо, где бушевал фейерверк, оставляя за собой дымные следы. Я тоже запрокинул голову, следя за последними огненными россыпями, но взгляд снова потянулся к ней. В отражении салюта в её широко раскрытых глазах было что-то волшебное и неуловимое — не просто блики, а целая буря чувств: детский восторг, грусть, удивление. Это было куда более живое и глубокое, чем просто красивые огни в небе. Мгновение она выглядела той самой маленькой девочкой из сада, беззащитной и настоящей. Поймав себя на этой мысли, я резко, почти грубо, поднялся и начал отряхиваться, сбивая снег с рукавов. Потом протянул ей руку. Она посмотрела на мою ладонь, затем на лицо, и улыбка, всё ещё не сошедшая с её губ, стала лишь тише,

задумчивее. Схватившись за мою руку, она легко поднялась, но тут же, будто спохватившись, отвернулась ко мне спиной, продолжая следить за последними, затухающими вспышками в небе, будто стесняясь этого мимолетного контакта.

Вернувшись в квартиру, нагнавшую за время нашего отсутствия уютную, сонную теплоту, мы разошлись, как по негласному уговору. Девчонки устроились на кухне, доливая чай в чашки, о чём-то оживленно болтая и смеясь над нашим падением. Мы с Лёшей расположились в комнате, на том же диване. Он включил тихую музыку — что-то инструментальное, фоновое.

— Ну и как тебе? — резко, без предисловий, спросил друг, протягивая мне банку холодного пива.

— Ты о чем? — я притворился, что не понял.

— О праздновании Нового года не в каком-нибудь навороченном клубе с танцами и толпой, а вот так, по-домашнему, — усмехнулся Леха, делая ударение на последних словах.

— Знаешь... — начал я было с привычной шуткой, отмазкой, но, вспомнив свой план, остановился и сказал искренне: — Не так уж и плохо. Даже... нормально. Спокойно.

Лёша внимательно посмотрел на меня, но ничего не добавил, просто кивнул.

Посидев ещё, болтая о всякой ерунде — планах на январь, смешных случаях из прошлого, — мы заметили, что уже около трёх ночи. За стеной стихли голоса, потом слы-

шался звук посуды. Девочки начали собирать тарелки и бокалы со стола, что-то ставя в раковину с негромким звоном, что-то убирая в холодильник. Мы вышли им навстречу, отнесли стол и стулья обратно на кухню, отчего комната снова стала крошечной, но по-домашнему уютной. Эва сидела на стуле у окна, отвернувшись к тёмному стеклу, в котором отражалась только наша комната, и курила, выпуская струйки дыма в приоткрытую форточку. Она казалась совершенно отрешённой, погружённой в свои мысли и не замечавшей никого вокруг. София, сидя на подоконнике рядом, сладко, по-кошачьи зевнула:

— Так, народ, я отключаюсь. Пора укладываться, а то завтра, то есть сегодня, как зомби будем.

Эва повернулась к ней, затушив сигарету в старой пепельнице-ракушке:

— Кстати, да. Как разместимся? План есть?

— Ну, я думаю, логично, что мы с Лёшей на диване, — София обняла за талию подошедшего Лёху. — А Денису постелем на полу в твоей комнате.

Мои брови поползли вверх от такого прямолинейного планирования. Эва нахмурилась, посмотрела на меня быстрым, оценивающим взглядом, потом на подругу.

— А что? — парировала София, поймав её взгляд. — Или вы, парни, хотите, чтобы девочки спали на полу, уступив вам место? Или все вместе вповалку на диване?

— Меня всё устраивает, — тут же, с готовностью подхва-

тил Лёша, обнимая Софию за плечи и смотря на неё так, будто она предложила райский уголок. Ещё бы его что-то не устраивало — его же не отправляют спать на холодный пол в комнату к практически незнакомой девушке.

— У меня в комнате очень мало места... — тихо, почти вполголоса, попыталась возразить Эва, явно не в восторге от плана подруги.

— Ничего, нормально разместимся! Ты же не против, Дэн? — уверенно, как танк, заявила София и, не дожидаясь ответа, направилась в комнату, будто начинала военную операцию.

Через минуту она вернулась, вручив мне толстое, пухлое одеяло-подстилку, пару тёплых пледов и ещё одно легкое одеяло для укрывания.

— Вот, должно хватить. Не замёрзнешь.

Я молча принял охапку. София отошла, явно довольная собой и наведённым порядком.

— А подушка..? — осторожно, уже почти смиренно, поинтересовался я.

— Хм... — промычала София, оглядывая комнату. — Сейчас!

Я повернулся. Эва уже сидела на своей узкой кровати, поджав под себя ноги, и смотрела на меня с невыразимым чувством — смесью раздражения, смущения и покорности судьбе. В руках она сжимала охапку пледов, будто маленькую крепость. Было очевидно, что ей отчаянно не хочется

делить свое личное, интимное пространство с чужим мужчиной, но она не находила в себе сил открыто протестовать против воли подруги и сложившихся обстоятельств. Она молчала, и в этой тишине было больше красноречия, чем в любых словах.

— Вот подушка! — София вернулась и сунула мне в руки небольшую, мягкую декоративную подушечку в серой наволочке. — Раз уж ты на полу, то Лёша как-нибудь без подушки обойдётся. Ему и так хорошо. — Она рассмеялась. Ну спасибо, Лёха. Прямо друг золотой. Забудешь тут...

— Все, ребята, спокойной ночи! Не шумите! — бросила напоследок София и закрыла за собой дверь в комнату, оставив меня наедине с Эвой и внезапно наступившей гулкой тишиной.

— Что ж... — начал я, озадаченно глядя на грудку текстиля в руках и затем на голый пол у кровати. — Приступим, видимо.

Услышав скрип пружин, я обернулся. Эва встала и протянула руки:

— Давай сюда, я сама постелю, — сухо, без эмоций предложила она. — Ты только мешаться будешь.

Я отдал ей все, кроме подушки. Она принялась раскладывать вещи с методичной, почти военной аккуратностью. Сначала на пол легло одеяло-подстилка, затем один плед.

— Этого, конечно, не хватит, чтобы не замерзнуть до утра, — сказала она, глядя на своё творение, а не на меня. —

Поэтому я дам тебе еще один плед, запасной. У нас окна старые, щели, продувает сильно, на полу особенно чувствуется.

Она ровно и аккуратно расстелила на полу второй плед, сверху — легкое одеяло, и еще один, более плотный. Получился многослойный «матрас». Положив на эту конструкцию мою подушку, она подошла к шкафу, открыла верхнюю антресоль и нащупала там один, но самый толстый, видимо зимний, плед из грубой шерсти. Расстелила его сверху, разгладила ладонью и, наконец, посмотрела на меня:

— Готово. Должно быть терпимо.

Не успел я поблагодарить, как Эва снова подошла к шкафу, достала оттуда какую-то сложенную домашнюю одежду и, не глядя на меня, быстрыми шагами вышла из комнаты — переодеваться, видимо, в ванной. Что ж... План есть план. Оставшись один, я осмотрелся, стараясь запомнить обстановку. Небольшой, почти школьный письменный стол с тремя ящиками. Шкаф-купе. Узкая односпальная кровать. Тумбочка. Ничего лишнего. Подойдя к столу, я бесшумно, на ощупь, открыл ящики один за другим. Верхний: канцелярия, ручки, скрепки, блокноты. Средний: тетради в линейку, планшет в чехле, клубок зарядок и наушники. Нижний: пусто. Повернулся к шкафу. Открыв первую дверцу, быстро, но внимательно пробежался взглядом по полкам: на нижней — обувь, аккуратно стоящие кроссовки и ботинки; выше — сложенные тёплые вещи, свитера; на самой верхней — рюкзак. Я быстро расстегнул его. Внутри лежала папка-ско-

росшиватель с бумагами. Ладно, листать их сейчас — долго и рискованно. Застегнув его, я открыл вторую дверцу — там висела одежда на вешалках: рубашки, несколько худи. Я аккуратно, бесшумно прощупал карманы на тех вещах, где они были — пусто, кроме пары бумажных салфеток в одном. Закрыл шкаф. Присел на корточки у тумбочки. Первый ящик: открытки, какие-то старые фото школьных лет, папка с рисунками. Не было времени разглядывать. Второй ящик: тут царил настоящий хаос из, казалось, ненужных вещей. Удлинитель, тройник, старый, с накипью, электрочайник, две толстые папки из жесткого картона. Не вынимая, я приоткрыл первую. В свете уличного фонаря, падающего из окна, мелькнули слова «Медицинская карта пациента» и фамилия «Эванс». И сама карта была очень объёмная, многолистовая. Вторая папка, судя по первой странице, была её продолжением, более поздними историями болезней. Я закрыл ящик, но рука, действуя почти на автомате, засунула её глубже, в самый угол, под клубок проводов. Пальцы нащупали что-то холодное, ребристое и металлическое. Чуть раздвинув провода, я в полумраке увидел магазин для патронов. Почти полный. А под ним, в углублении, лежал пистолет — компактный, узнаваемый «Глок-19». У меня был такой же, лет в шестнадцать, первый. Сердце застучало чаще, но не от страха, а от азарта охотника, напавшего на след. Я быстро, но тихо закрыл ящик, вернув всё как было. Заглянул под кровать — пусто, только лёгкий слой пыли. Услышав,

как в коридоре захлопнулась дверь ванной, я мгновенно поднялся и отошёл к своему ложу. Дверь в комнату открылась. Эва вернулась, переодетая в серые, мешковатые спортивные штаны и чёрное, бесформенное худи с капюшоном. На ногах — те самые смешные тапочки с медведями. Она посмотрела на меня, застывшего на том же месте, где я и был, когда она уходила. Молча убрав вещи в шкаф, Эва прошла мимо, поправила покрывало на своей кровати, села на край и уставилась в пол.

— Наверное, спать в джинсах все-таки не очень удобно, — попытался я разрядить гнетущую обстановку, снимая куртку.

Взглянув на ее нахмуренное, сосредоточенное лицо в полутьме, я вдруг подумал с ледяной ясностью: а не пристрелит ли она меня, пока я буду спать? У неё же под рукой есть для этого всё необходимое. И мотивы, если она что-то подозревает.

— У меня есть спортивные штаны. Мужские, — неожиданно сказала она, не поднимая головы.

Я удивленно поднял бровь.

— Не мои, конечно, — она фыркнула, мельком увидев моё выражение. — Брат иногда оставался тут, если допоздна засиживался, вот и оставил на всякий случай. Новые, не ношенные. — Она подошла к шкафу, порылась на нижней полке и достала тёмно-синие тренировочные штаны из мягкой ткани. Протянула мне. — На, если хочешь.

Я взял их и, недолго думая, принялся расстегивать ремень на своих джинсах. Эва застыла с открытым ртом, явно не ожидая, что я стану переодеваться прямо при ней, в комнате.

— Да ладно тебе, не буду я бегать туда-сюда, — пробурчал я, скидывая джинсы и стоя в носках и боксерских шортах. — Всего лишь штаны. Ничего такого.

Девушка заметно покраснела, даже в тусклом свете это было видно, резко отвернулась и уставилась в стену, будто изучая рисунок обоев. Закончив, я уселся на свою «постель», опробуя её рукой. Довольно мягко. Эва уже лежала на кровати, свернувшись калачиком под одеялом и повернувшись к стене.

Тишина повисла густая, неудобная. Ее нужно было нарушить, направить в нужное русло.

— Слушай, я тут подумал, — заговорил, глядя в потолок. — А твой брат? В тот раз, когда... с тобой это случилось. Он что, не защищал тебя? Не пытался помочь?

Эва не ответила сразу. Потом я услышал, как она медленно перевернулась. Приподнялась на локте и повернулась ко мне. На её лице, освещённом полоской света от уличного фонаря, застыло удивление и настороженность.

— Это... долгая и не очень приятная история, — медленно, с паузами, проговорила она. — А что ты спрашиваешь? — в её голосе послышалась холодная, стальная нотка.

— Просто интересно, — спокойно, нейтрально ответил я, глядя на неё прямо. — Ты сказала, что тебе никто не верил.

Но брат... он же свой, семья. Разве он не вступился?

Она не отводила взгляд добрую минуту, изучая моё лицо, будто пытаясь прочесть скрытые мотивы. Я выдержал её взгляд, сохраняя выражение обычного, слегка уставшего любопытства. Я уже собрался поворачиваться на бок, делая вид, что тема закрыта, но она вдруг заговорила, тихо, но чётко:

— Он... он тогда был ещё подростком. Его самого запугали по полной программе. Сказали, что, если он пикнет, то будет хуже и мне, и ему. Он видел, как... как это произошло. Но ему пригрозили, что, если кому-то расскажет, меня «доделают» в больнице. И он молчал. До сих пор молчит. Считает это своей виной. — Эва сделала паузу. — И травма на ноге... Да, там же такой же шрам, как на руке, только больше.

Я кивнул, давая ей понять, что слушаю.

— Такой ужасный шрам? — беззлобно, с лёгким, притворным сожалением уточнил я.

— Такой же, как на руке. Только больше, длиннее и... грубее, шире. Но он там не один, рядом еще два поменьше, поэтому выглядит все это... действительно не очень эстетично. Как будто меня дикий зверь рвал. — Она говорила монотонно, как будто зачитывала диагноз.

— Мне жаль, что с тобой это случилось, — сказал я, вкладывая в голос максимум искренности, какую только мог изобразить. — И что ты до сих пор через это проходишь.

— Мне тоже жаль, — тихо, почти шёпотом, ответила она,

и в этом шёпоте была такая бездонная усталость, что на мгновение мне стало почти неловко. — Мне тоже.

Она снова повернулась к стене, дав понять, что разговор окончен.

Я залез под одеяло, устроился поудобнее на своей импровизированной кровати. Она оказалось на удивление терпимой. В комнате было тихо, только слышалось ровное, чуть сдавленное дыхание Эвы. Единственное, о чём я успел подумать перед тем, как сознание начало уплывать в сторону сна, было: «Она безобидная. Напуганная, травмированная, но не опасная. По крайней мере, пока». И эта мысль почему-то не принесла облегчения, а лишь оставила на языке странный привкус — смесь презрения к своей манипуляции и холодного удовлетворения от того, что план работает. Ключ был найден. Оставалось лишь осторожно повернуть его в замке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.